

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

НЕТ ЧУЖИХ БЕД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Оксана Демченко
Нет чужих бед
Серия «Мир Саймили», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2148695

Нет чужих бед: Альфа-книга; Москва; 2011

ISBN 978-5-9922-0888-7

Аннотация

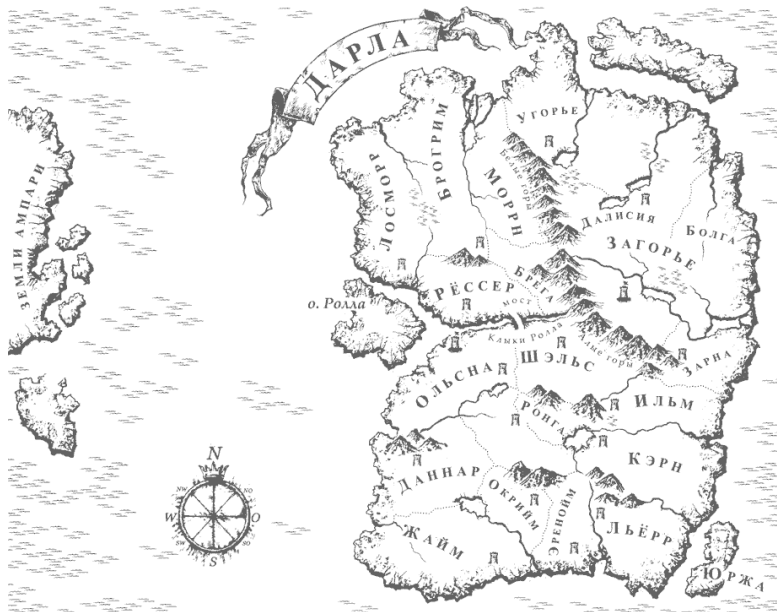
Что такое гармония? По мнению настройщиков душ, она состоит в умении достигать равновесия. По мнению воинов, гармония возникает, когда поверженный враг становится холоден и неподвижен. Очень трудно добиться понимания даже в самом простом. Увы, иногда для этого требуется оказаться на краю пропасти. Оттуда лучше всего видно, чем грозит каждому потеря равновесия. Вот враг, вот друг, и нет чужой беды... Надолго ли?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	64
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Оксана Демченко

Нет чужих бед

Пролог

Она висела над миром, огромная и яркая, как вторая луна. Она светила по ночам, и в каждом доме жители перед сном гасили огни, выходили на улицу или на балкон – и смотрели, улыбались и повторяли: «Она золотая, теплая и прекрасная, как подобает настоящей мечте».

Она – это великая Ами, которую эльфы до сих пор по привычке называли черепахой, помня ее детство. Нелепо называть черепахой самый быстрый корабль цивилизации Саймили! Но разве допустимо именовать кораблем или даже мазвом – магическим зверем – разумное существо, вмещающее самодостаточный мир? И странствующее вместе со своим экипажем не по приказу или принуждению – да и как можно принудить Ами? – а исключительно по причине общности интересов и родства с пилотом, принцессой Риолой, дочерью королевы эльфов Сэльви-а-Тэи. И еще из любопытства: Ами стремилась узнавать новое каждый день. Или хотя бы беседовать и учиться. Поэтому без экипажа, точнее, без собственного населения она скучала. Особенно теперь, когда выросла и была вынуждена отказаться от визитов в атмосферу родной планеты Саймили, где вылупилась в свое время из яйца, то есть мазвзародыша. Правда, у повзрослевшей Ами есть два малых корабля планетарного класса «А», как их называют дотошные люди. Эльфы именуют их детьми Великой,

а гномы уже три десятка лет азартно спорят, выбирая малышам подходящие имена. Все же именно они, подгорники, совершенствовали зародыши мазва, наделяя детей Ами новыми интересными способностями и навыками. Потом встраивали в живую ткань дополнительные модули: анализаторы атмосферы и грунтов, силовые щиты, малые запасные двигатели. Так надежнее! Гномы полагают, эти слова объясняют всё. Точнее, почти всё.

Ведь нельзя смириться с логичным и продуманным решением общего совета планеты: в первый полет Ами уходит, не имея в составе экипажа ни одного человека или гнома... Вернее, в ее корпусе нет бодрствующих людей и подгорников. Для них, имеющих ограничение в продолжительности жизни, время полета – непростительная растрата лет. Поэтому до первого интересного объекта и далее – в пути между звездами – беседовать с Ами, прокладывать курс и изучать черноту неба останутся эльфы, не обремененные проблемой учета прожитых веков.

Когда-то давно люди мечтали о бессмертии, даже пытались тайком исследовать эльфов, добывая образцы ткани и крови. Хотя подданные королевы Сэльви снова и снова повторяли: их жизнь определяется чем-то иным, нежели генетическим кодом или пресловутым «вирусом бессмертия», выделить который стремились люди.

Со временем общими усилиями удалось отодвинуть смерть и обеспечить людям если не бесконечную, то очень

длинную жизнь. Первое поколение обновленных возникло два века назад. И некоторые его представители еще живут, не ощущая бремени одряхления. Они признали сами и растолковали другим: старость приходит в душу, мозг, подсознание. Пробирается туда и откладывает личинки пресыщенности, высокомерия, самовлюбленности, лени. Человек перестает стремиться к новому, утрачивает наивную, почти детскую, готовность учиться и познавать. Мир становится серым, праздники лишаются своей сути, сохраняется лишь внешний блеск. И смерть перестает восприниматься как наказание рода людского или его тяжкое бремя. Она – врата к обновлению.

Эльфы умудряются сохранять в душе восторженную радость ребенка – это и есть тайна их вечности. Которую, впрочем, никто и не прячет. У эльфов есть Единственная, именуемая также Сердцем этого народа. Уникальное существо, способное сливаться с природой, ощущать ее полно и живо. Каждую осень Единственная становится на год старше – говорят эльфы. А следующей весной она молодеет...

За три сотни лет до начала первого дальнего плавания Ами королева Сэльви-а-Тэи отпраздновала рождение своей внучки, получившей имя Тиэса, прежде принадлежавшее древней правительнице эльфов.

Гордо продемонстрировав крошечное агукающее существо в пеленках, Сэльви сказала:

– Однажды мы обретем возможность полететь к иным ми-

рам. И тогда у эльфов будет два Сердца. Мое останется биться и тосковать здесь, с вами. А прекрасная королева Тиэса в числе первых увидит новые звезды.

Тогда черепаху Ами еще не звали великой. Диаметр ее панциря составлял всего-то шестьдесят метров. Неплохо для межконтинентальных полетов. Но не более того.

Прошли годы, сложились в десятилетия, соединились в века. Ами поднялась в пустоту над миром Саймили. На дальних орбитах системы родной звезды она облюбовала пояс астероидов. Вкусных, крупных и разнообразных. Черепаха выбирала подходящие, поглощала, перерабатывала – и росла. Училась, меняла себя, обретала полноту сознания.

Наконец, выбравшись из детского возраста, Ами стала все чаще общаться с королевой Сэльви. Она жаждала измениться полностью и стать не магическим зверем, а чем-то гораздо большим. Самостоятельным миром, пусть сперва и небольшим. Ведь иначе нельзя путешествовать, имея в корпусе экипаж...

Ами, создавшие ее эльфы, люди и гномы вместе усердно трудились, заполняя жизнью плоский мир под куполом панциря. Там появились довольно обширные и глубокие недра, фильтрующие воду и возвращающие ее на поверхность сотнями родников. Сама поверхность обрела незначительную вогнутость профиля, уподобившись чаше: по краям расположились горы, от них потекли к большому центральному морю, используя естественный уклон, ручьи и реки. На бе-

регах зазеленели леса, распластались степи. Воздух стал обновляться, дыхание мира породило ветер.

Самым красивым и запоминающимся этапом развития стало купание в солнце. Ами нырнула в его верхние слои, называя свое имя и признавая себя еще одним ребенком звезды – таковы планеты, выращенные родным солнцем. Ее признали.

Назад черепаха вернулась недавно. Заняла удобную стационарную орбиту, не нарушающую порядка в системе родного солнца, что важно при размерах и массе Ами, позволяющих считать ее планетой. Под сводом панциря-неба появилось собственное светило. Мир ожил. Наполнился пением птиц, сухим стуком конских копыт по степной равнине, гудением пчел. На скалах, в долинах и у моря возникли города. Их строили для себя люди и гномы. Заранее готовили жильё к длительному полету без присмотра. Встраивали бытовые системы мазвконтроля, исключая возможность накопления пыли и появления таких врагов бесхозного жилья, как грибок и плесень. Заклинали материалы против старения, а краски – против выгорания.

Это была кропотливая работа. Точнее, ее завершающая стадия. Потому что Ами кружила на дальней орбите. А на Саймили – далеко, сияющем, синем драгоценном шарике в ожерелье солнца – до хрипоты спорили, утверждая окончательный состав экипажа.

Вот тогда и стало понятно: первое плавание Ами по тем-

ным водам безбрежного моря межзвездной пустоты начнется очень скоро. А экипаж великой черепахи будет многочисленным – но не настолько, чтобы в его состав вошли все желающие.

Часть первая

Багряное солнце

Глава 1

Не жить взаймы

Изоэ'айа крался по коридору привычно ловко, тихо и быстро. Ночь давно погасила все огни города Зинн'э. Его жители наглухо закрыли свои крошечные жилые отсеки, и в коридорах поселился холод. Он сочился влагой со стен, а на верхних ярусах похрустывал кристаллами льда, выступающими на потолке. Темный, мучительно-опасный, порождающий ужас – вот каков этот холод. Никто не рискует выбираться ночью из-под теплого одеяла. Потому что не желает видеть и принимать то, что известно каждому с рождения. Этот ледяной мрак – их неотвратимое будущее. Однажды во всем мире Дзоэ'та не останется ни капли тепла. Его люди запрутся в своих отсеках, чтобы заснуть в последний раз – навсегда.

Когда умирает солнце, надежды нет. Однако живым свойственно верить в лучшее. Да и немислимо это – уйти по своей воле, погубив все, что удалось спасти тогда, последней осенью, покидая поверхность. Они принадлежат миру Дзо-

э'та. Они его часть, важная и неотделимая. Потому должны жить несмотря на отчаяние, ведь мир отдает им последние крохи тепла своих недр. И сам еще не умер – тоже на что-то надеется...

Изоэ'айа торопливо расстегнул куртку, сунул замерзшую ладонь во внутренний нагрудный карман, на миг извлек своего светлячка и тотчас убрал, не желая мучить малыша ночной стужей. Краткой вспышки достаточно, чтобы оглядеться. Еще пять шагов, затем принять правее. Тридцать шагов, выбрать левый средний из четырех рукавов ветвящегося коридора. Еще девять шагов. Всё. Мороз крепко впился иглами льда в кожу возле крыльев носа. Дыхание давалось тяжело, с болью. За последние пять лет город заметно остыл. Он верхний в вертикальном поселении. И уже понятно: скоро его придется покинуть.

Отец работает в службе расселения. Он сказал – внизу потеснились и изыскали место для младших, здоровых и сильных. Тех, кому нет еще двадцати циклов. Остальные заснут вместе со своим Зинн'э. Иного выхода нет... Каждый род, стремясь сохранить себя, отправит вниз, в тепло жизни, хотя бы одного наследника. Изоэ'айа тоже придется жить, оставив в городе почти всех родных и знакомых. Так полагают старшие.

Потому что до сих пор не вывели его тайну.

Каждый ребенок, еще будучи младенцем, лишается права стать по-настоящему взрослым человеком. Лишается су-

ти народа и'наэ, главного устремления, смысла жизни и ее полноты. Не зря эта простая операция – всего-то два движения луча-скальпеля – именуется стерилизацией. После удаления лишнего дети растут в глухих коридорах подземного города, не зная всей глубины тоски и не мучаясь бессонницей неодолимой жажды. По-другому нельзя.

Операция очень редко не дает полноценного результата. Ее делает не человек – слишком жестоко было бы заставлять людей лишать себе подобных смысла жизни. Автомат же не видит и не осознает некоторых тонкостей. Обычно дети, перенесшие операцию без ущерба для полноценности, выдаются очень быстро, их поведение разительно отличается от обычного для стерильных и'наэ. Чаще всего к концу третьего цикла, самое позднее к шестому, таких малышей оперируют повторно.

Увы, подросших детей вмешательством скальпеля уже невозможно спасти от тоски. Сознание, однажды проснувшееся и вдохнувшее запах мечты, не способно ее забыть. Часто такие дети просят, чтобы их оставили в верхних галереях вместо стариков. Оттуда открыт путь наверх. Жить на поверхности, в мертвом мире вечной зимы, нельзя. Но уцелеть там в течение часа, а то и двух – посильно. Можно сидеть, закинув голову, и ощущать, как холод превращает тело в лед. Смотреть вверх, в круговерть нескончаемой метели. И надеяться различить сквозь прогалы в тучах небо.

Небо, которому принадлежит душа каждого истинного

и'наэ...

Изоэ'айа осознал, что отличается от прочих, весьма поздно. Первые восемь циклов он был нормальным, спокойным. Спал, ходил по коридорам, не ведая тоски. Но потом поврежденные скальпелем ткани все же срослись правильно, стали меняться. И изменили всю жизнь мальчика.

Он хорошо помнил день, когда нашел в семейной шкатулке рода Айа сокровище. Незнакомая, вспыхнувшая внезапно острая и тревожная тоска была столь велика, что доводила до тошноты, до спазматических болей и озноба. А еще душу терзал и сминал зов, подчиняющий себе все существо. Сперва лишь невнятный шепот, потом все более настойчивый зов. Изоэ из рода Айа искал источник своей тоски долго и настойчиво. Его сразу опознали бы как полноценного, если бы увидели в тот день. Но папа был на дежурстве, а мама... Увы, она покинула их, едва родилась Дали, второй ребенок в семье. Мама была родом из города, еще двадцать циклов назад живого и теплого, располагавшегося выше Зинн'э. Ей разрешили уйти вниз, потому что следовало сохранить род. Позволили дышать, питаться и греться – взаимы. Недолго.

Тоска привела Изоэ в семейный отсек. Заставила рыться в вещах отца – немислимое и позорное дело! Тоска вынудила искать, извлекая вещи торопливо, но бережно, добираясь до самого дна кофра. Там покоилась шкатулка, сплетенная из особого сорта древесной коры прежних, ныне навеки мертвых лесов поверхности. Эта кора обладала свойством хра-

нить содержимое, поддерживая нужную влажность и температуру. А помогали ей умные приборы, встроенные в хранилище а́йа, как и во все прочие такие хранилища. В шкатулке – он не открывал, но знал точно – лежали они. Сокровища рода, оберегаемые более тщательно, чем собственная жизнь. Изоэ долго сидел, ощупывая кору и вслушиваясь в дивный запах. Тот самый, породивший приступ тоски. Рядом с сокровищем боль угасла, томительное безумие улеглось. Мальчик успокоился, положил все вещи на их законные места и твердо пообещал себе не допускать впредь даже малейшей тени слабости. Если он хочет стать взрослым и полноценным, надо уметь таиться. Чтобы там, наверху, не сидеть и не ждать ничтожного шанса все свои последние два часа.

Природа истинного и'наэ жестко и требовательно меняла его и дальше. Обостряла слух и обоняние. Делала кости тоньше, мышцы – суше, движения – легче. Он нуждался в меньшем количестве пищи для поддержания формы. И потому мог выполнять свои ночные обязанности, а утром не выглядел утомленным и ослабленным. Полноценные и'наэ куда выносливее стерильных. Давно известно, что возможности отказа от операций просчитывались много раз. Но, увы, нет места для истинных в подземных городах...

Изоэ'айа дернул рукав куртки ниже, на ладонь. Через ткань повернул ручку двери малого отсека тренировок: нельзя оставлять явные следы. Вошел, ежась от холода. Выпрямился, вздохнул и начал свой еженощный урок. Истинному

и'наэ следует непрерывно развивать себя, готовя к взрослению. Особенно с пятнадцатого по семнадцатый циклы. Историю рода людей – истинных и'наэ, живших на поверхности, – из учебников никто не убирал. Там все изложено подробно. Про тоску, поиск и занятия. Про Становление... Стерильные читают достаточно спокойно, для них все изложенное – лишь слова, пустые, мертвые и холодные. Они не искали и не жаждали так мучительно и неотступно, не ощущали запах сокровища рода столь полно.

Два часа спустя Изоэ'айа вышел из отсека. Стало еще холоднее. Миновала полночь, и стены остыли до самой низкой температуры. Теперь изморозь добралась и на этот ярус. Кристаллы шуршали вполне отчетливо для слуха полноценного и'наэ: они росли, вскормленные стужей...

Ничего. Скоро включатся системы отопления и погонят снизу, из недр Дзоэ'та, кровь мира, чтобы новый день наполнился теплом. Изоэ заспешил домой. Горло едва соглашалось впускать шершавый ледяной воздух. В остальном же тело не ощущало озноба. Движения обрели удивительную мягкость и точность, как обычно после занятий. Тело наполнялось радостью предвкушения скорого Становления.

Изоэ'айа миновал коридоры яруса отдыха, спустился на два уровня ниже, тихо царапнул ногтем дверь семейного отсека. Сестра открыла, ежась от холода. Молча отдала одеяло. Два часа она грелась под обоими, своим и брата, а заод-

но и согревала их. Ей, слабенькой и маленькой, всего девять циклов. И прожиты они в самые холодные времена для умирающего города. Поэтому сестра часто кашляет. Вряд ли ее признают годной наследницей, если у старейшин будет выбор. Только его – нет!

– Зачем тебе это? – грустно спросила Дали, младшая из рода Айа. – Ведь все равно узнают.

– А почему ты меня не выдаешь? – благодушно уточнил Изоэ'айа. – Ведь обязана!

– Не могу. Тебя отправят наверх, как маму, – всхлипнула сестра. – Нельзя так. Одним жить, а другим...

– На всех тепла не хватает. – Изоэ'айа сел на кровать Дали'айа. – К тому же мои занятия ничего не изменят. Скоро наш город умрет. Вниз пойдет всего один ребенок из рода Айа – ты. Всегда хотел этого! Я не стану жить взаймы. Лучше отдать долг сейчас. Мой и отца – тебе, за маму. И за то, что не выдала.

– Они охотнее возьмут вниз здорового мальчика, наследника по линии отца. – Дали сообщила известное обоим и жалко сжалась под одеялом. – Признайся сам, тебя простят.

– Признаюсь, прямо сегодня утром, – весело пообещал Изоэ.

Девочка недоверчиво вздохнула. Пошарила под одеялом, нащупывая личного светлячка. Изоэ достал своего быстрее, еще раз, при свете, кивнул и улыбнулся. Он не обманывает. Почти. С самого утра пойдет и скажет. Лиловые глаза

Дали наполнились тихой радостью; она поверила, успокоено прикрыла все веки и тотчас заснула. Брат заботливо укутал младшую ее одеялом и поверх – своим, плотно подоткнул ткань. Лег на жесткую кровать как был, в куртке. Ему не холодно. Он занимался, и он истинный и'наэ. Выносливый. К тому же в жилом отсеке тепло. Почти.

Утром наследник рода Айа прошел на самый нижний ярус города. Теплый, там даже жарко в плотно застегнутой куртке. Отсек дежурного старейшины в полном соответствии с традициями встретил распахнутой настезь дверью.

– С чем пожаловал, малыш Айа? – ласково улыбнулся наставник, разглядывая серьезное лицо любимого ученика.

Он, самый пожилой человек города, возлагал на Изоэ большие надежды. Мальчик усердно учился, был не только понятлив, но по-настоящему любознателен и одарен. Достойн стать истинным врачом. В нем есть и доброта, и понимание живых. А через десять циклов, если все сложится удачно, сын рода Айа займет место младшего в совете. У него светлая душа, он умеет замечать и устранять чужие беды.

– Мне очень стыдно, – честно признался Изоэ. – Я знаю, как вы ко мне относитесь, но я вас обманул. Всех обманул. Мне казалось, город вне опасности и я не отнимаю пищу и жизнь у сестры.

– Не надо так, – мягко посоветовал старейшина. – Нам всем больно, но ведь есть еще и долг. Наш общий – перед

миром, который нам стал родным. Мы пытаемся сберечь его, пока можем. Ты тоже должен хранить доверенное роду Айа сокровище. Дали мала и слаба, увы...

– Зато она не нарушала закон, – сухо сказал Изоэ. – Я не могу снять куртку. И сплю я давно уже только на боку или на животе. Понимаете?

Старейшина мрачно кивнул. Усмехнулся и огорченно откинулся на спинку своего кресла. Некоторое время переваривал услышанное, пытливо вглядываясь в лицо ученика, рассматривая его тонкие сильные пальцы, сухие крепкие плечи, лихорадочно блестящие глаза.

Изоэ с удивлением отметил: наставник Итао'ими смотрел без малейшего гнева, словно знал заранее. Но зато – с самым настоящим, неподдельным огорчением... Старейшина молчал, расстроено перебирая тонкими пальцами по кромке стола. Изоэ впервые отметил – у Итао очень легкие руки. Даже, пожалуй, слишком. И двигаются они так знакомо, словно танцуют.

– Я не думал, что все зашло настолько далеко. Последняя фаза Становления? Жаль.

– Вы все знали? – едва смог выговорить Изоэ. – Как же так?..

– Не рассчитали время, – огорчился еще сильнее старейшина. – Ты нас перехитрил. Видишь ли, мальчик, все управляющие городами не вполне стерильны, то есть до Становления росли полноценными. Мы – бывшие истинные. Ина-

че нельзя, иначе мы совсем забудем, кем были и для чего бережем наши сокровища. Вас оставили такими сознательно. Сперва пятерых. Затем, после первичного отбора, троих. Наконец двоих. Чем позже прервать изменения, тем более взрослым успеет стать и'наэ. Мы полагали, есть еще две доли цикла, а то и больше. Я хотел бы видеть тебя в совете. Но я опоздал. В нынешнем состоянии ты уже не останешься здесь, даже если мы тебя станем удерживать силой. Теперь ты точно знаешь, почему других оперируют.

– Да, жажда сильнее меня, – отозвался Изоэ, и в его голосе не было и тени сожаления. – Я пойду наверх?

– Согласно закону, – устало кивнул старейшина. – Мне в свое время не хватило одной доли цикла до Становления, когда мой наставник рассказал обо всем. Двадцать семь лепестков-дней отделяли меня от взрослости, я еще мог слушать и понимать. Думаю, тебе сегодня безразлична жизнь и даже смерть... Но все же жаль! Я едва оправился после операции. И гораздо позже приучил себя к мысли об ответственности перед нашим народом. Нелепо убеждать тебя в чем-то. Ты слишком молод и слишком близок к изменению. Иди. Прямо сейчас. Так будет проще и твоей сестре, и отцу. Ему очень трудно и без этого груза боли. Через полдоли мы отошлем наверх многих. Зоэл'айа окончательно определяет, кому жить, а кому...

– Смотреть в небо, – рассмеялся Изоэ. – Вы правы, сейчас я не могу ничего понять. Но одно знаю твердо: он любил

маму и будет рад, если Дали выживет. Прощайте.

Изоэ улыбнулся и вышел в коридор. Тесный, темный, мерзкий коридор. Душа пела и рвалась наверх. Туда, где нет холодных серых стен, а есть простор и небо. Пусть давно уже не синее, как на картинках в учебнике. Пусть посеченное, истертое до мутности ледяной пылью метели. Но бескрайнее. И никаких потолков!

Ярус, еще и еще. Снова, опять – лестницы и лифты. Шлюзы, сервисные коридоры. Воздух все холоднее и свежее. Потому что небо – рядом. Зовет, стучит в висках назойливой и неотступной жаждой, смешанной с пьяным восторгом. Да, наставник прав, теперь Изоэ знает, зачем остальных лишают этого. Чтобы они согласились жить долго в тесных коридорах. Чтобы не бежали наверх, забыв обо всем, отказавшись от будущего и заодно прошлого. От родных, долга и обязанностей.

В учебниках сказано: состояние Становления краткосрочно. Постепенно и'наэ восстанавливает над своим сознанием полный и четкий контроль. Но, увы, после Становления для него непригодны коридоры. Узкие, низкие, тесные, темные.

Последний шлюз. Незнакомый человек без единого вопроса открыл дверь. Изоэ на миг задержался, торопливо сунул руку в нагрудный карман и отдал своего светлячка. Зачем малышу мерзнуть и погибать? Он-то – исконный житель подземных пещер, здесь его дом. Дежурный молча при-

нял подарок, кивнул провожая. И запер дверь. Наверняка с ним уже связался наставник. Предупредил, велел не мешать. Описал, назвал по имени – иначе бы не пропустили. Мало ли кто вздумает глянуть на небо? Такому дорога не вверх, а к врачу. Народ и'наэ состоит из сознательных людей, чтущих закон старейшин.

Поэтому у шлюза выставлена охрана. Здесь дежурят нижние, жители теплых городов: даже одни сутки, проведенные в таком холоде, требуют длительного полноценного восстановления.

Голос мечты звучал в сознании все громче. Холод? А что это такое? Изоэ бежал вверх, задыхаясь от счастья и не чувствуя ног. Ярус за ярусом. Через брошенный мамин город. К старому центральному скоростному подъемнику.

Кабина проснулась, легко прыгнула вверх, прижимая к полу, сбивая с ног... И замерла, с едва слышным шелестом распахнув двери, высокие, удобные. В первом подземном городе еще жили истинные.

Изоэ пошел по коридору к далекому пятну ослепительно-го, притягательного света. На ходу стащил куртку и сорвал майку. Повел плечами. Сухая, туго натянутая кожа на спине треснула, с хрустом лопнула по двум правильным швам. Юноша не мог видеть, как за плечами раскрываются крылья. Разворачиваются из невзрачных, складчатых, беспорядочно смятых пленок. Но слышал до головокружения восхитительный звук – шелест, щелчки, похрустывание. Смятые пленки

сохли, обретали прочность и натягивались. Он даже представить не мог, что это произойдет так быстро и легко!

Пещера оборвалась узким карнизом над бездной. Метели не было – вот чудо из чудес! Внизу под обрывом сплошным слоем лежал снег, розово-сиреневый, с густыми багряными тенями. В небе, у самого горизонта – Изоэ рассмеялся от восторга – висело косматое багрово-чернильное, покрытое сложным узором пятен солнце. Такое слабое, что глаза человека, выросшего в коридорах нижнего города, свободно терпели его сияние.

Изоэ шагнул на край обрыва, раскинул руки, сделал еще один шаг, самый главный и важный, и полетел. Сперва, само собой, вниз.

Но крылья тотчас наполнились ветром, нашли опору и деловито зашумели, загудели, восстанавливая равновесие. Скоро Изоэ осмотрелся, освоился и устремился вверх. У него слишком мало времени, чтобы терять его впустую! Всего один полет. Холод уже вгрызается в тело, прокалывает кожу острыми зубами игл-снежинок, гасит радость. Мешает подняться достаточно высоко, чтобы оглядеть весь мир, доступный крылатому. Но если постараться...

Сзади коварно и внезапно ударил ветер. Подсек, жадно подхватил, как капризный ребенок – незнакомую игрушку. Смял, бросил на скалы – надоела. Подумаешь, мотылек... Такие уже попадались. Ничего нового.

Изоэ в последний раз увидел багряное солнце в прорехе

серой метели, ощутил, как рвутся и ломаются только что обретенные крылья. И как мир бескрайнего неба утрачивает сияние дня, погружается в чернильный мрак, куда более глубокий и окончательный, чем тьма подземных городов.

«...Стоил ли один полет всей непрожитой жизни? Глупый вопрос. Если у вас нет крыльев, не судите о том, что не в состоянии почувствовать и понять».

К своему огромному изумлению, Изоэ лежал и думал именно эту мысль. Медленно, виновато и удовлетворенно. Осознавал запоздало и мучительно: стыдно предать надежды наставника ради одного полета. Мальчишество это, не более того. Рефлекс.

Пусть рефлекс. Сладко осознавать, что ты – летал.

Непонятно до помрачения рассудка – а почему ты еще думаешь? Почему вообще лежишь, не ощущая боли? Отчего свет над тобой – золотой и яркий? Наконец, с чего бы стало так замечательно тепло, словно вернулось настоящее лето?

Изоэ попробовал открыть глаза. Невозможно! Они и так открыты. Смотрят на непрозрачный жесткий щиток. Попытался пошевелиться. Тоже безуспешно! Тело чужое, расслабленное, как сырая биомасса в кормовом отсеке.

И тогда стало по-настоящему страшно.

– Эй, первый живой летун! – позвал веселый громкий голос на родном и ничуть не искаженном языке. – Ты очнулся?

Живуч до изумления! Мы думали, уже не вытащим. Хорошо хоть, по природе своей ты на нас похож. По строению, по реакции на лечение. Я сперва вообще не сообразила, что ты не такой, заклинала всем, что в голову влезло. А влезает туда, было бы тебе известно, невесть что. Нашей семье свойственна наследственная непредсказуемость действий.

Живость и веселость невидимой собеседницы – Изоэ сразу решил, что это женщина, – слегка обидели юношу. В-первых, чудовищно невежливо затевать разговор вот так, не представившись, не назвав свой род, город и наставника, не пожелав тепла дому. В-вторых, совершенно непонятно, чего ждет в ответ странная женщина. Он не может говорить!

– А ты просто слушай, – посоветовал прежний голос с новой, еще более мерзкой интонацией поучительного ехидства. – Я твоя нянька на сегодня. То есть дежурю тут и жду, когда очнешься. Зовут меня Алесия. Коротко Аля. Еще у меня есть прозвище – Рыжее Солнышко. Оно довольно длинное, обычно сокращают до Рысь или Рыся. Еще и потому, что я драчливая и капризная. И рыжая, как рысь... ох, ты же ничего не знаешь! Ладно, я попробую начать сначала.

Женщина некоторое время посопела и повздыхала, собираясь с мыслями. Изоэ между тем обдумал уже услышанное и предположил, что она молода, а может быть, вообще ребенок. На таких не обижаются. Например, сидела бы возле больного его сестричка Дали. Что она сказала бы? Что рада. Что все будет хорошо... А потом вспомнила бы, как следу-

ет себя вести. От мысли о сестре стало тепло и легко на душе. Изоз простил незнакомке ее поведение. В конце концов пусть старается как может, пока взрослые заняты своими делами, более важными и неотложными.

Мысли принесли некоторое умиротворение, стерли острую обиду. Успокоившись, юноша подумал, что имя у девочки странное, если не сказать – невозможное. Нет в нем знакомого звона и жужжания крыльев. Намного лучше и приятнее звучало бы не «Алес'ия», а Алез'ия. Начальный звук прозвища «р», особенно в сочетании с «ы» – и вовсе непонятно. Как ни странно, произносится и удобно, и звучно. Но непривычно. Опять же, он не слышал прежде о роде Ия...

Значит, она не из знакомых городов. Может, в других пещерах научились побеждать холод? Было бы славно. Изоз сделал усилие, пытаясь улыбнуться и показать, что готов слушать дальше.

– Значит, так, – важно вымолвила Рыся. – Мы прилетели издалека. Вообще-то не думали тут задерживаться, солнышко у вас мертвое. Смотреть на такое больно. Особенно нам, мне, маме и папе, – мы ведь родственны пламени звезд. Здесь как на похоронах... А потом королева Тиэса услышала вас. Мы вернулись по ее слову. С королевами не спорят. К тому же она оказалась права! Всего один цикл изучаем ваш мир – и вот, нашли тебя. Я нашла. Мы с Лиссом осматривали горную гряду и ощутили вдали боль. Когда смогли отыскать, ты

уже не дышал. Пришлось много сил истратить, чтобы вылечить. Для этого нас с тобой слили. Или это тоже я учудила? А, неважно! Главное – результат. У тебя теперь матрица моего сознания в голове сидит, у меня – твое прошлое в мозгах копошится. Щекотно, жуть!

Исчерпав запас серьезности, девочка замолчала, понимая, что вот-вот снова начнет говорить не по делу. Изюэ воспользовался паузой и сосредоточенно обдумал сказанное. На душе стало тревожно. А если это никакая не и'наэ? Вдруг его спасли, а точнее, поймали проклятые наэ'ро? Те, кто повинен во всех бедах мира. Люди с холодными сердцами, сознательно утратившие полет...

Стоп. Наэ'ро никого не возьмутся спасать, рискуя собой и нерационально – так они это называют – расходуя силы. К тому же они не чувствуют страдание других. Тем более на расстоянии. А уж до погибающего солнца им никакого дела нет! Тогда кто?

Совсем чужие... Не годится! Чужие – но умеющие говорить на родном языке и'наэ?

– Не нервничай, тебе вредно, – расстроилась девочка Рыся. – Слушай дальше. Ты можешь двигаться. Просто моя матрица перепуталась с твоей. У тебя сознание двоится, как будто два человека дерутся за право управлять руками, ногами и даже языком. Делать надо вот что. Вспомни любой произвольный жест. Как пожимаешь плечами, как хмуришься или перебираешь пальцами. Свой, особенный жест. Хорошенько

представь его и попытайся повторить.

Нетрудное задание. Каждую ночь он входил в отсек для тренировок, расправлял плечи, поднимал руки и проводил тремя пальцами по подушечке четвертого, большого. С напряжением, как раз получалось три коротких щелчка.

Кисти рук напряглись, оживая и повторяя знакомое движение. Тело отозвалось и стало рассказывать о себе – сперва нехотя, затем все полнее и подробнее. Изоэ постепенно осознал: он лежит на правом боку. Нелепо вытянувшись, поджав левую руку к груди. Точнее, рука привязана и неподвижна, чем-то ограничена от шеи до самых пальцев. Зато вторая свободна. Можно ощупать непривычно мягкую ткань одежды, тонкое покрывало, заменяющее обычные в подземных городах плотные стеганые одеяла. Рядом находится живое – Рыся. Бровные волоски хорошо различают ее тепло, что заставляет еще сильнее задуматься. Для ребенка – слишком велика. Да и излучает жар странно. Вроде немного, а словно светится...

Определенно: она не и'наэ! Едва ли вообще человек. Хотя... Кого считать людьми? По мнению Рыси, он тоже едва ли человек. Если порыться в ее памяти, то люди рослые, крепкие и бескрылые. Владеют магией – сообразить бы, что это такое. Живут довольно долго и уже много веков не конфликтуют с иными расами. Какими это еще – иными?

От попытки восстановить в сознании облик этих рас Изоэ замутило. Слишком непривычно и чужеродно. Восприятие

мира у Рыси странное. Явно более полное и глубокое, чем его собственное. К тому же смещено внимание. Для нее важнее цвет и форма. А для него – запах и вибрация.

Нет, надо успокоиться и отгородиться от ее мыслей и от резковатой, порывистой, очень подвижной энергии. Обдумать более насущное. То, что сказано прямо сейчас. Интересно, кто такая Корол'эва? Наверное, старейшина, происходящая из незнакомого рода Эва. А город чужих существ зовется Тиэс'а. Видимо, так...

Пошарив по кровати, рука неуверенно дотянулась до горячего и сияющего – пальцев Рыси. Тронула их, скользнула по тыльной стороне ладони. Суматошно, три раза подряд, ощупала – пять? Более коротких, чем у и'наэ, довольно тонких, имеющих большую широкую ладонь.

– Попробуй сесть, – предложила Рыся. – Тебе можно.

– Потшее... – Язык слушался не лучше, чем руки. Изоэ упрямо зашипел и начал сначала, разбивая длинное слово на слоги: – По-че-му не мо-гу сомо-о... смо-о-от...

– Глаза, да? – догадалась Рыся. – Здесь слишком яркий свет. Выдержать – скорее всего выдержат. Но пока ты был без сознания, постоянно беспокоился и напрягал крылья. Хотел взлететь, а вверху потолок. Да и крылья у тебя...

– Сзнайу-у. – Проклятые губы еле шевелились. – Нхе-ет, сломаны.

Последнее слово, самое страшное, удалось выговорить точно, без единой ошибки. Потому что оно – приговор. Изоэ

рвался на поверхность, мечтал взлететь. Он выжил в холоде и был спасен. Но, увы, остаток дней проведет как все. На ногах. Только на ногах. На жалких подпорках, спотыкающихся о каждую неровность пола.

– Трудно было отрастить их заново, – вздохнула девочка. – Мы не знаем, какие они у вас от природы. Уцелело лишь два обломка, у самых плеч. Потом Лисс – это наш с мамой мальт – нашел еще кусочек. Рисунок теперь другой, все другое. Ты не обижайся, мы сделали как сочли правильным.

Изоэ резко, одним движением, сел. Левая рука отозвалась острой болью. Нога подломилась и мучительно вывернулась в колене. В висках зазвенели назойливые зуммеры, перед глазами поплыли темные круги. Мелочи! Он что, сможет летать? Знакомые жесты ничто по сравнению с проснувшейся радостью, которая и помогла восстановить контроль над телом. Речь вернулась, слух восстановился, заработало в полную силу обоняние, расправились вибриссы.

– Я буду летать? Когда?

– Не сегодня, – капризно фыркнула Рыся. – У нас дела. Ты себя контролируешь? Не станешь напрягать крылья?

– Я, Изоэ из рода Айа, живший до вчерашнего дня в городе Зинн'э, полностью подчиняюсь разумным распоряжениям своей няни по имени Алесия, – ровным тоном пообещал Изоэ, вежливо кланяясь. – Мы не помним себя лишь в первые часы после Становления, а позже обретаем полноценный взрослый самоконтроль.

– Хорошо, я тебе верю, – торжественно согласилась Рыся. – Ты взрослый и умный. Справишься и со светом, и с тем, что я – не такая, как твой народ. Совсем другая.

Изоэ согласно кивнул. Горячие пальцы Рыси тронули широкую пленку, полностью покрывающую голову от макушки до самого носа. Прилегание стало неплотным. В щель хлынул свет, золотой и восхитительный. Сознание пошатнулось, готовое упасть в радость и утонуть в ней...

Но Изоэ сдержался. Сжал зубы, прикусил губу и стал дышать медленно, изо всех сил стараясь сохранить неподвижность. Пальцы мяли покрывало, словно цеплялись за него, тонкое, но надежное. Прохладное, обычное, простое. Он спокоен. Он взрослый и разумный. Контролирует себя и больше не допустит глупостей, совершая которые можно лишиться права на жизнь. Будет достойным доверия девочки Рыси и тех, кто ее здесь оставил.

Здоровая рука неторопливо скользнула по бедру, по груди, к голове. Пальцы осторожно ощупали пленку на лице. Поддели снизу и сняли, отбросили за спину. Свет ударил новым могучим потоком радости. Во второй раз выдержать оказалось проще. Изоэ прикрыл внутренние веки, ослабив яркость. Приопустил верхние, затеняя взор длинными ресницами.

Сияние-безумие медленно отпустило рассудок. Яркость оказалась сильна для глаз. Вообще-то зрение у и'наэ уникальное. Оно быстро подстраивается под любые условия –

так говорил наставник.

Несколько вдохов. Можно чуть приподнять верхние веки и осмотреться. Сперва, само собой, один взгляд вверх. Потолок высокий, светлый, замечательный. Не то что в отсеках! Стены тоже светлые, бледно-золотистые, в узоре зеленых стеблей. Как на картинках из учебника, изображающих лето.

Окно. В комнате есть окно! Изоэ вскочил и захромал к проему. Оперся здоровой рукой о нелепо высокий, на уровне груди, подоконник. Выглянул и ахнул, снова еле сохраняя рассудок. Там, снаружи, щедро рассыпало золотые лучи вечернее солнце. Здоровое, живое, теплое. Оно сползло к самому горизонту по крутому склону синего небосвода. А внизу, на земле, лес подставлял лучам широкие ладони листьев. Настоящий лес! Совсем незнакомый – не из цветков и стеблей. Но зеленый.

– Этого не может быть, – решительно покачал головой Изоэ.

– У вас пока – нет, – с огорчением вздохнула Рыся за спиной. – Мы не на вашей планете. Это наш дом и корабль, великая черепаха. Ее зовут Ами, она живая и умеет летать между звездами. Мы в ней, внутри. Ами большая.

– Ами, – вежливо поклонился миру за окном Изоэ. – Счастлив быть здесь принятым как гость.

Теперь он ощутил, что готов увидеть Рысю. Она не могла быть похожа на людей и'наэ. Обернувшись, юноша не уди-

вился. Просто стал внимательно рассматривать свою няню, надеясь, что его любопытство допустимо и не слишком бес- тактно.

Ростом Рыся на полторы головы превосходила своего гостя. Была достаточно стройна и довольно сильно похожа фигурой на лишенных от рождения крыльев. У них так же не оставалось сухости в костях и настоящей тонкости в обволакивающих их мышцах. Весила она... да не меньше пятидесяти килограммов! Это немало – при его-то собственных тридцати, характерных для взрослого летуна. Изоэ встрянулся, удивляясь присутствию в сознании чужой меры веса. Вспомнил малопонятные слова про матрицу сознания и решил отложить выяснение на потом.

Пока же просто смотрел. Лицо чем-то похоже на лица их народа. Пошире, но не кажется чересчур странным. Глаза мелковаты, расставлены не так широко, сидят у самого носа, сильно выступающего вперед. Губы полнее, чем у и'наэ. Пух на голове – невероятный! Толстый, длинный и рыжий. Спускается на плечи, лезет в глаза – неудобно, наверное.

Руки длинные, пятипалые, он точно отметил на ощупь. Ноги тоже длинные. С такими не взлететь, для крылатого неудобно. А вот бегать они наверняка способны очень быстро.

В коротких бровях нет термических волосков, на висках нет вибрисс.

Глаза девочки снова привлекли внимание Изоэ. С первого

раза он не решился поверить – всего одна пара век, простых, мигающих неуправляемо и одновременно. Но куда невероятнее цвет! Белый у края и коричнево-золотой в середине. А еще тонкие вертикальные штрихи. Кажется, их название в памяти Рыси – «зрачки». Удивительно.

– Молодец, не нервничаешь и не ужасаешься, а просто любопытствуешь, – подмигнула Рыся. – Правая нога сильно болит? Было три сложных перелома, мы еле справились. Кости у тебя очень здорово отличаются от наших.

– Терпимо. – Изоэ подмигнул в ответ внутренними веками правого глаза. – Я думал, ты ребенок. Маленькая. Оказывается, я сам небольшой.

– Ребенок, – сморщила нос рыжая. – Все так говорят. Медленно взрослею, это свойство эфритов – мой народ так называется. Вообще-то мы не народ, нас всего четверо: папа, его сестра, мама и я. Так вот мало, и это во всем известном нам мире! Остальные на Ами – эльфы. Идем, нас ждет капитан. Ну, по-вашему если – старейшина. Его имя Лоэль. Он ужасно умный и иногда немножко чересчур серьезный. Он ведь за всех нас отвечает. А теперь еще и за тебя.

Изоэ согласно кивнул. Движение явно чужое, резковатое и слегка насмешливое – из числа характерных для Рыси. Не иначе поселилось в сознании вместе с ее памятью. Девушка прошла через комнату и открыла высокую удобную дверь. Можно не переживать, пройдут ли крылья... А где они, кстати? Говорила – целы...

– Крылья, – жалобно охнул Изоэ.

– Целы, – успокоила Рыся. – Пока еще в фазе восстановления. Я додумалась их скатать в рулончики. Не переживай, им не вредно, старшие тоже смотрели и подтвердили. Магия...

Рыжая гордо вздернула свой длинный выступающий нос. «Магия» – чужое слово. Но, странное дело, оно почти понятно. То есть Рысе – совсем понятно, а ему? Зудит в сознании, копошится, намекает и отвлекает внимание. Верно отметила няня – ощущение похоже на щекотку.

Потом. Пока надо идти к тому, кого девочка назвала «Капит'ан». Странно, если старейшина у них Корол'эва, то кто этот, второй? Надо поточнее выяснить. Изоэ захромал через комнату, на ходу спрашивая важное. Удивился: оказывается, слова у эльфов – целиковые! Нет в них именной части и второй, обозначающей принадлежность к роду или звание. Капитан – одно понятие, обозначающее звание. Он и есть настоящий старейшина. А кто тогда королева? Ах, Сердце рода... С таким определением не поспоришь. Хорошо, когда есть особый человек, к которому можно прийти с любыми бедами.

Рыся шла неторопливо, открывала двери перед гостем и держала, пока он переступал порог. Коридор Изоэ понравился. В нем имелись окна, к тому же настежь открытые. Ноздри и чувствительные волоски на лбу, у самой линии роста пуха, радостно отметили запахи живого мира. Объемные, ласковые, притягательные. Незнакомые. Однако дающие возмож-

ность понять, сколь совершенным было бы сокровище рода, доведись ему попасть в настоящую теплую землю, вырасти и расцвести.

– Вы собираете мед? – робко поинтересовался Изоэ.

– Не умеем, – посетовала Рыся. – Есть пчелы, но их мало.

– А мы умели, – гордо сообщил Изоэ. – Мой род хранит сокровище. Живые семена аяа. Это цветок, но огромный, как ваши деревья. Когда настала вечная зима, каждый род принял на хранение часть мира. Для этого мы живем под землей, хотя там ужасно плохо. Нельзя ведь допустить гибель наших родных цветов, пока есть хоть маленькая надежда. И когда нет – все равно нельзя.

– Ты говоришь важные слова, – сказала Рыся. – А мы еще не добрались до капитана. Внимание: выходим под открытое небо. Постарайся пережить это спокойно.

Изоэ благодарно кивнул: правильное предупреждение. Летать в синем, густом и теплом небе – уже не мечта даже. На подобное он никогда не смел надеяться. Первый шаг дался с огромным трудом. Плечи ныли, пытаюсь чуть податься вперед, разворачивая крылья. Ноги болели, спотыкались – готовили сдерживаемый из последних сил прыжок, облегчающий взлет. Впрочем, кто сказал, что взрослым быть просто? Он единственный и'наэ здесь и отвечает за всех – как капитан, наверное. По его поведению станут судить о целом народе!

Рыся остановилась, ловко щелкнула языком – и'наэ так

не могут – и замахала руками. Сверху, из-за крыши дома, выплыла тень. Скользнула, снизилась, замерла рядом. Дивное существо, формой подобное живому зеленому листку. Огромное! Девушка ненадолго задумалась, потом решительно кивнула.

– Из-за твоих воспоминаний мне самой хочется летать, – призналась она. – Это мальт. Он родич того самого, который был со мной, когда мы тебя подобрали. Малыш еще. Летает медленно, ленится и капризничает. Лэйс, вот наш друг, его имя Изоэ. В общем, вы познакомились. Полезли наверх, на спину Лэйса.

Идея полета на чьей-то спине, со свернутыми собственными крыльями, потрясла Изоэ. Спорить он не стал, быстро забрался в удобное углубление и уселся там. Рядом пристроилась Рыся. Велела держаться покрепче за особые костяные выступы. Погладила шкуру Лэйса. «Малыш» в ответ на ласку издал низкий длинный звук, шевельнулся и стремительно понесся вперед и вверх. Медленно? Если это медленно, как же тогда быстро?

Спросить не получилось. Рыся болтала без умолку: то и дело указывала рукой вниз, на дома, и поясняла, кто в них живет. Торопливо называла имена рек и озер. А впереди росла, занимая все больше места, прозрачная стена, еще недавно казавшаяся частью горного массива. На самом деле это город, центр управления кораблем, место, где живет капитан.

Мальт высадил своих наездников на высокой светлой площадке над обрывом. И умчался, снова низко загудев, – пожелал удачи, скорее всего. Изоэ махал здоровой рукой вслед летающему живому листку, пока мог его видеть. В ответ мальт шевелил своим тонким длинным хвостом, точно в такт движению ладони.

– Идем, нас уже ждут, – поторопила Рыся.

И повела гостя коридорами, светлыми, высокими. Во многих были прозрачные потолки и широкие окна, на стенах висели картины. Изоэ отвлекался и останавливался, ругая себя за несобранность. Но как пройти мимо такой красоты, не глянув на нее хотя бы мельком?

Наконец коридоры закончились дверью, за которой обнаружился зал с креслами и столом. Изоэ удивленно отметил: специально для него уже изготовили мебель! Особое кресло без сплошной спинки, в котором и крылатому сидеть удобно. Высокое, чтобы он не смотрел на прочих снизу вверх.

Капитан, вопреки тайному страху и'наэ, оказался почти одного роста с Рысей, а не вдвое выше нее, названной ребенком. Улыбнулся, усадил гостя и сам устроился в кресле рядом.

– Добро пожаловать, – приветствовал капитан. – Я Лоэль. Справа ты видишь нашу королеву, Сердце корабля, ее имя Тиэса. Она моя дочь. Мама королевы отдыхает, вы познакомьтесь позже. Нора устала, собирая по кусочкам твои крылья, она ведь врач и немало потрудилась, возвращая тебя из

небытия. Слева – мудрая, советник по... скажем так, обучению, хотя ее обязанности куда шире. Ее имя Вэйль. Напротив Риола – пилот и подруга Ами. А это Рахта, папа твоей подруги Алесии. Для первого разговора, полагаю, вполне довольно такого общества.

– Вы все знаете мой язык? – удивился Изоэ.

– Понимаем, – кивнул Лоэль. – Но говорим на своем родном. Для Алесии он знаком, а значит, и для тебя, ведь вы обменялись матрицами сознания. Поэтому тебе и кажется, что мы произносим слова и строим предложения на твоем наречии, без акцента и ошибок. Это свойство сдвоенного сознания. Весьма полезное.

– Я тайком читал книгу из библиотеки старейшин, – осторожно заметил Изоэ. – О межзвездных полетах. Там сказано: в разных мирах воздух не одинаков.

– Умная книга, – похвалила Вэйль. – Но ваш очень схож с нашим. А прочее... Смешно, наверное, слушать в очередной раз про магию, Рыся о ней уже упоминала, да? Скажу иначе. Мы создали для тебя фильтр. Ты его не ощущаешь, но он есть и прекрасно справляется со своей задачей.

– Удивительно, – честно признал Изоэ. – Вы столько можете! И действуете весьма быстро. Еще вчера я падал, впервые взлетев посреди зимы, обреченный и израненный, а сегодня жив, здоров, знаком с речью иного мира.

– Прошло двенадцать дней по счету твоего мира, – показала головой Риола. – наших три недели.

Изоэ прикрыл нижние веки, затем верхние. Осознать сказанное оказалось трудно. Он сидит здесь и глупо мечтает о полете в синем небе. Он истратил невозможно много времени впустую! А там, невесть как далеко, умирает город Зинн'э. Сегодня, самое позднее завтра, его старшие жители станут подниматься наверх, чтобы взглянуть на небо и навсегда заснуть с улыбкой на серых от холода губах...

– Что-то срочное? – мягко спросил капитан.

– У нас погибает город, – с ужасом прошептал Изоэ, понимая, что объяснить такое быстро и коротко невозможно. – Внизу не хватит тепла и пищи на всех. Лишние уйдут в зиму, наверх. Как ушел я. Мне казалось, это было вчера...

Осознание реальности рухнуло на плечи бременем боли, смело всю радость, подаренную Становлением. Он-то спасен и жив, сидит в тепле. А там, непонятно где, мерзнут и засыпают люди. Как просить о помощи? И что предложить взамен, если всем и'наэ нечего дать эльфам, которые умеют сохранять лето даже в непомерно долгом межзвездном странствии?

– Координаты, само собой, ты не сможешь указать, – без упрека, но с заметным огорчением предположил капитан. – Примерный район поиска понятен, но там горы, ущелья, скалы. Ничего не разобрать. К тому же ночь. Настроиться на твоих родичей мы едва ли сумеем. Вы идете умирать, не ожидая спасения и не скорбя. Без сильных эмоций не нащупать место. Тиэса, что скажешь?

– Изоэ, кто-то из твоей семьи выйдет наверх? – спросила женщина со светлыми волосами.

Изоэ подумал именно так – «волосы». И сразу сообразил: это слово тоже из памяти чужого народа. Может, обретенная в беспомощности смесь сознаний и помогла пережить несхожесть так просто и безболезненно? Он смотрит на Тиэсу и видит, что королева прекрасна. Как цветок айа, сокровище рода. На рисунках цветок тоже светлый, серебристо-сияющий. Но Сердце корабля лучше. В ней живет сознательная и активная доброта. Ей не безразлична гибель совершенно чужих людей. Не похожих на нее, бесполезных, маленьких и не особенно умных.

Она настоящее Сердце, если готова оставаться здесь и помогать. Рисковать своими родными, отсылая их вниз, в черную ночную метель над острыми скалами-невидимками.

– Мой отец выйдет наверх, – тихо сказал Изоэ. – И еще наставник, как я понимаю теперь.

– Тогда у нас есть вполне достаточная ниточка, – улыбнулась королева. – Тебе они дороги, в тебе живет надежда и боль. Думай о своих близких. Представляй их. Зови. Мы сделаем остальное. Дай мне руку, будет необычное ощущение. Когда мы спешим, мы используем быстрое перемещение. В остальных случаях оно запрещено.

Капитан тем временем что-то очень коротко и решительно прошептал, получил подтверждение, прошуршавшее едва уловимыми отзвуками чужих голосов в самом его ухе. Про-

тянул ладонь, накрывая сверху руку дочери. Вместе с остальными присутствующими произнес непонятное. Память Рыси подсказала – это и есть магия.

Мир вздрогнул, утратил определенность, смазался. Погасли звуки, исчезли запахи, померк свет. Вес тела исказился, как в скоростном подъемнике. Сперва стало тяжело, а затем очень легко. Воздух хрустнул, словно пленка прорванных крыльями спинных почек. Изоэ даже прикрыл веки от удивления. А когда снова решил осмотреться, обнаружил, что находится уже в совершенно ином месте.

Он сидел в мягком кресле, живом, деловито обнимающем тело все плотнее. Рядом такие же устройства – или растения? – трудились, привыкая к капитану, Рысе и остальным. Голову повернуть стало невозможно, мягкое кресло уже настойчиво держало и шею, и затылок. Но чувствительные волоски подтверждали: в помещении много новых эльфов, незнакомых. Все они рассаживаются молча и быстро.

Дрожь пробежала по корпусу непонятного отсека. Он явно оторвался от прочного основания и стал перемещаться. Свод потолка сделался прозрачным – или это экран? – на нем появилась картинка, похожая на рисунки из учебника. Шар Дзоэ'та, вид с орбиты. Правда, древние кадры были сделаны зондами наэ'ро. И отображают прошлое: зеленый мир. Три лепестка экваториальных материков и удлинённый, уходящий к южному полюсу стебель, состоящий из сотен малых и крупных островов.

Теперь прошлое живет лишь в учебнике. Сегодняшний мир засыпан снегом нескончаемой зимы. Океаны замерзли. Острова и материки можно опознать лишь как невысокие вздутия-сугробы... Изоэ с отчаянием понял: он никогда не сможет указать то место, где находится выход из шахты его родной системы подземных городов. Ни ночью, как сейчас, ни даже самым ясным и безветренным днем! Впрочем, королева просила думать о папе и наставнике, не более того. Это посильно. Куда сложнее было бы не думать и не бояться за них.

Кресло ослабило хватку. На руку легла ладонь королевы. Ее пальцы сплелись с пальцами Изоэ. Удивительно! Можно совершенно отчетливо осознавать, как боль по капле утекает через это мягкое пожатие руки.

– Есть, – довольно отметила Тиэса. – Хороший канал, широкий. Они явно живы. Будем искать здесь.

Вторая рука королевы решительно указала точку на потолке. От него отделилась и подплыла ближе карта, которую Изоэ считал картинкой. Полупрозрачная, объемная, точная. По мере приближения карта становилась все более подробной. Вот виден весь склон древнего вулкана... Теперь лишь его середина, скопление скал... Наконец один уступ и темное пятно входа в город...

На площадке пусто! Неужели удалось успеть?

– Внизу, под скалой, есть замерзшие, как и прежде бывало, – грустно отозвалась Рыся на невысказанные вслух на-

дежды. – Немного, уже облегчение. Человек сорок. Прежде мы находили такие места три раза. Ужасное зрелище! Сотни, тысячи тел. И это спокойное счастье на лицах, обращенных к небу... Я плакала.

Изоэ судорожно кивнул. Недавно он сознавал в себе такое же счастье первой встречи с небом. Со стороны все смотрится иначе. Ужасно, Рыся права. И наставник прав. Только ребенок или глупый крылатый, неспособный контролировать рефлекс, может полагать, что в досрочной добровольной смерти есть восторг. Отсюда, сверху, из теплого отсека, видится иное. Боль, бессилие изменить прежнее... и надежда.

– Вместимость центрального подъемника – двадцать человек, то есть и'наэ, – быстро уточнил Изоэ. – Сначала вышла одна группа, первая, затем вторая. Обычно интервал между группами полчаса. Меньше нельзя. Люди садятся на край обрыва и смотрят. Бескрылые не так выносливы, как я, крылатый. Они умирают через полчаса-час.

– У нас, в корпусе Арраса, имеется два взрослых мальта, – пояснил капитан. – Оба уже ушли вниз. Полагаю, ты прав. Половину замерзших мы еще сможем вернуть. Может, даже больше. Жаль, что ваше солнце мертво и мир спит, едва сохраняя остатки тепла и жизни. Магия здесь не имеет и половины силы, доступной нам на родной Саймили.

– Идем, – решительно сказала Рыся. – Вперед, на ваш дурацкий уступ. Потом туда, к этому... подъемнику. Надо убе-

дить старейшин прекратить уничтожение людей. Мы всех, кто лишился дома, заберем в нашу Ами. Пусть не мерзнут зря.

Изоэ задохнулся от невысказанной благодарности. Всех заберут! Он не смел просить и о меньшем: чтобы просто взяли сокровища и попробовали укоренить их в своем теплом мире Ами. Тогда прекрасная родина, Дзоэ'та, сохранилась бы, пусть и не для своего народа. Но разве главное – кто смотрит на красоту? Важнее то, что эльфы способны ее увидеть и оценить. Не то что подлые наэ'ро!

Королева, маленькая по меркам эльфов, ростом чуть пониже даже названной ребенком Рыси, взялась усердно укутывать гостя в теплую куртку особого покроя. Явно наспех сшитую для него, крылатого. Велела сразу выводить первые три сотни людей, а следующие – через каждые два часа по времяисчислению Ами, соответствующие доле суток по системе времени, принятой на Дзоэ. Так эльфам удобнее перевозить.

Рыся небрежно махнула рукой, чуть встряхнула волосами – она знает, не маленькая! И потащила Изоэ за руку к выходу. Размер летучего корабля оказался огромен! Целый город. Три яруса, а то и больше.

По крайней мере, именно три видел сам Изоэ. С нижнего их доставила на уступ гибкая труба-коридор. Раскрылась, выпустила в ледяную метель и скользнула в корпус огромного существа, словно торопилась согреться в тепле.

– Теперь ты главный, – решительно сообщила Рыся. – Веди.

Изоэ вздохнул, кивнул и пошел вниз по узкому коридору. Он удивленно озирался, осознавая, что, когда бежал вверх, ничего не запомнил! Оказывается, стены тут очень любопытные, слегка светящиеся, с узором. Пол ровный и упругий, приятный для ног. Учебники не зря говорят: города строили долго, старались сделать их удобными и красивыми. О нескончаемой зиме узнали заранее. Еще бы! По сути, они сами виноваты во всем. Стыдно, больно и тяжело так думать. Еще труднее будет признаваться в старых грехах перед королевой. Потому что Тиэса поймет, посочувствует и простит. А толку? Никто не оживит солнце. Значит, цветы аяа распустятся и подарят свой дивный мед иным людям, в тепле иной звезды.

– Перестань страдать, – возмутилась Рыся. – Мы с тобой соединились, сцепились этими... памятьми. И эмоции частично общие. Понимаешь? Я чувствую, что тебе плохо. Мне так не нравится. Лучше слушай меня. Я красивая, умная и добрая. Я смогу все исправить. Веришь?

– Да, – удивился Изоэ.

– Молодец! – важно похвалила Рыся. – Со мной нельзя спорить. Никогда и никому. Я эфрити, солнечное существо, дух света и родня богам. Дальняя, внучатая – но все равно. Имею право гордиться.

Изоэ некоторое время обдумывал сказанное няней. И пы-

тался понять: может ли столь необычное существо помочь в беде, которая непоправима? Солнце-то умирает...

Спросить прямо юноша не решился. И оттого, что не поверил, и еще больше оттого, что готов был поверить и боялся лишиться этой робкой надежды – едва родившейся, но уже согревающей душу.

Впереди обозначилась более ярким свечением большая зала у подъемника. Пустая. Значит, третья группа еще внизу. Знать бы, можно ли вызвать кабину отсюда, – этого так давно не делали! Оттиск ладони в тусклом полукружье зоны вызова блеклый, стертый. А вдруг заклинило? Или вовсе от времени испортилось.

В шахте шевельнулись тросы. Охнули, загудели, принимая нагрузку. Третья группа двигается вверх, навстречу небу и смерти...

Двери разошлись. Наставник был настолько изумлен, что его седые вибриссы дрогнули и вздыбились. Чувствительные волоски в бровях тоже зашевелились. Изоэ шагнул вперед, невежливо отодвигая от дверей готовых выйти людей. Махнул рукой Рысе, та хихикнула и охотно, чуть ли не с разбегу, добавилась в общую тесноту.

– Вниз! – потребовал Изоэ. – Здесь слишком холодно, а разговор длинный.

– Мы тебя оплакали, – смущенно сказал отец из дальнего угла кабины. Он стоял как раз у пульта и без лишних вопросов нажал символ спуска.

– Меня зовут Алесия-а-Тэи, – вежливо сообщила Рыся полное имя, на сей раз на языке Дзоэ'та, весьма сильно искаженном. – Я живу в мире по имени Ами. Города у нас нет. Папа выстроил дом на скалах, отдельно. Потому что когда он ругается с мамой, это красиво, но опасно для окружающих. А уж когда родители меня воспитывают...

Рыся сокрушенно покачала головой и вздохнула, глядя в пол. Люди заулыбались. Все сразу поверили, что непонятное, непривычное существо способно обеспечить немало поводов для воспитания. Наставник поклонился, кое-как изыскав в тесноте кабинки место для вежливого жеста. И представился весьма церемонно, полным именем:

– Первый старейшина города Зинн'э, Итао'ими, до сегодняшнего дня был также хранителем общего сокровища города. Полагаю, столь удивительная гостья дает мне право жить до рассвета и проводить вас вниз.

– Наставник, всех жителей забирают к себе, в тепло настоящего лета, родичи Алесии, – сообщил главную новость Изоэ. – Каждую долю суток они ожидают у выхода три сотни человек.

– Можно ли... – удивился Итао.

– Там синее небо, – восхищенно прошептал юноша. – Зеленый лес и живое солнышко. Нельзя раздумывать. Хотя бы ради спасения сокровищ!

Люди дружно охнули и стали переговариваться. Некоторые громко жалели, что едут вниз. Теряют время! Подумать

только: живое солнце и синее небо. И все можно увидеть своими глазами. Старейшина Итао нахмурился, внимательно рассматривая рослую незнакомку столь непривычного чужеродного облика. Рыся ничуть не смутилась. Гордо вздернула свой необычный нос, тряхнула длинными, рыжими, как солнечные лучи на детском рисунке, волосами. И тоже стала смотреть на старейшину. Прямо ему в глаза.

– Не ищите врагов там, где их нет! – велела она непрерываемым тоном. – Если я не умею летать сама, я не обязательно злая и вредная. И никакой я не ребенок! С какой стати он думает невесть что во всю громкость, этот Изоэ? Мне, если по-вашему, вообще... сейчас соображу... кажется, двести пятьдесят четыре цикла, они у вас куда длиннее наших лет. Взрослая я. Вот.

– А сколько же королеве? – охнул юноша.

– На два года меньше, – снисходительно фыркнула Рыся. – Мы с ней знаешь как дрались раньше, пока она не считалась никаким там Сердцем? Пыль до небес! Вот.

– Полагаю, вы способны представлять угрозу для окружающих, – улыбнулся старейшина. – Но уж точно не можете сотворить большого зла. Я вам верю. И организую накопление людей по три сотни на верхней площадке. Одна группа на исходе каждой доли суток. Сами же мы пойдем вниз, в город Жан'э, сегодня ставший нашим верхним живым поселением, и будем долго убеждать его старейшин в реальности синего неба, зеленых лесов и вашего подозрительно щедрого

и бескорыстного миролюбия.

Двери с шелестом распахнулись, переполненная кабинка стала постепенно пустеть. Наставник Итао, отец Изоэ и он сам отошли в сторону и увлекли за собой Рысю. Прочие немедленно смешались с толпой и взялись пересказывать знакомым то, что слышали. И, само собой, добавлять от себя почти достоверные подробности, придуманные прямо по ходу повествования. Ведь если небо синее, наверняка и облака есть, как иначе? И дожди, и цветы высотой в пять ярусов города. Просто незнакомка не успела о них упомянуть.

Здесь, возле подъемника, сегодня собралось очень много людей. Прежде всего, жители мертвого города Зинн'э, которые молча сосредоточенно ждали своей очереди уйти наверх. Многих пришли провожать те, кому предстояло спуститься в иной город, чтобы продолжить род и хранить сокровища. Они выглядели совершенно потерянными. В самом углу, темном и дальнем, всхлипывала Дали, кутаясь в отцову куртку, еще хранящую тепло его тела. Девочка не хотела спускаться и не могла поверить, что осталась совершенно одна. Последняя из рода Айа...

Зато в возвращение погибшего брата маленькая и'наэ поверила сразу и безоговорочно. Ловко растолкала всех, решительно вернула папе куртку и обняла Изоэ.

– Ты обманщик! – совершенно счастливым голосом сообщила она, глядя на брата снизу вверх сияющими лиловыми

глазами. – Даже умереть по-настоящему не смог!

Старейшина Итао поднял руку над головой, призывая всех выслушать его.

– Каждый, кто спустился с нами в кабине, должен определить себе помощника, набрать группу и отвечать за нее как наставник, – велел старейшина. – Вы знаете: нас ждут и примут. Первыми пойдут те, кто замерз сильнее всего. Младшие и слабые, а также самые пожилые. Каждая группа – триста человек. Прочих прошу ждать, спустившись пониже. Там чуть теплее. И не переживайте, теперь не стоит. Сегодня вы все увидите небо. Постарайтесь дождаться этого момента, не истратив впустую силы и здоровье.

Люди закивали и зашумели, задвигались. Стали выводить и выпихивать тех, кто уедет первым же подъемником. Забирали у старших теплые вещи. Рыся еще раз подтвердила: сейчас наверху людей ждут и сразу примут, никто не замерзнет.

Убедившись, что все заняты делом и больше не суетятся впустую, старейшина Итао повел вниз, в город Жан'э, своего ученика, его отца и удивительную гостью. Маленькая Дали увязалась следом, вцепившись в руку брата с таким безмерно упрямым видом, что никто не решился ей возражать.

Изоэ прежде никогда не бывал в нижних городах. Добираться пришлось довольно долго. Сперва пешком, по лестницам, потом подъемником и снова пешком. Юноша шел и удивлялся: недавно, когда он бежал вверх, дорога показалась короткой. Всего-то два-три яруса, так он запомнил. А теперь

смущенно отмечал: да здесь все тридцать! Страшная сила – Становление! Подчиняет рассудок целиком. Усыпляет его и замещает одним-единственным неосознанным стремлением: жаждой полета.

– Ты взлетел? – с интересом уточнил наставник, подзывая ученика.

– Да. Потом меня поймала метель и сломала крылья, – сказал Изоэ. – Но Рыся, то есть Алесия, утверждает, что я снова смогу летать.

– Мы старались, – согласилась девушка. – Но форма и цвет... Понимаете, было два обломка и один обрывок. Мокрые, в снегу и крови... Я очень спешила и делала то, что мне казалось верным. В моем мире живут такие существа, зовутся они стрекозами. Крылья у них полупрозрачные, узкие и длинные. Парные – верхние и нижние. Но ведь изначально было иначе. Я поняла это, как только рассмотрела своды вашего тоннеля у выхода и лифт, то есть подъемник.

– Длинные? – Ресницы верхних век наставника задумчиво качнулись вниз. – Занятно. И уложены в валики, весьма компактно. Так он сможет жить внизу, в пещерах, после Становления. Удивительная идея. Как мы сами не догадались попробовать их перекроить? Впрочем, вряд ли удалось бы. Ваши возможности весьма необычны, юная старейшина. Как и возраст в сочетании с характером.

Алесия виновато вздохнула – уж какая есть. В коридорах ей было тесно. Макушка то и дело упиралась в потолок.

В дверях приходилось пригибаться. Волосы пару раз цеплялись за небрежно обработанные выступы стен. Но, несмотря на мелкие проблемы, до отсека старейшин удалось добратся без особых неприятностей.

Их впустили в город, открыв люк по первому стуку. Не потребовали разъяснений и не задержали. У самого верхнего люка старейшина Итао несколько минут разговаривал по внутренней связи с главой города Жан'э. И, пока он вел своих спутников, спускался на пять ярусов вниз и петлял по коридорам, встречающие собрались в отсеке.

– Теперь мы тебя не отпустим наверх, – с самым решительным видом заверил седой рослый глава города Жан'э, обнимая Итао и усаживая в кресло. – Что за каприз! «Мой город, мой долг...» А остальные? Ученика он отослал летать, видите ли. Не уследил и наказал себя. Нет уж, изволь работать на благо сообщества городов. Молод ты еще, чтобы мерзнуть там, не передав всего опыта людям.

– Учитель Вазео...

Смотреть на смущенного наставника было странно. Изоэ привык видеть его, мудрого и опытного, уверенным в себе, с гордой посадкой головы. Но, оказывается, каждому есть перед кем склониться, признавая свою ошибку.

Глава города Жан'э лично рассадил всех и с интересом стал изучать гостью, пока Итао излагал известное ему, а затем Изоэ рассказывал о своих приключениях. Наконец пришла очередь Рыси объяснять про эльфов, мир Ами и прочее.

Из висевшего на шее кулона рыжая эфрити достала похожий на светлячка шарик и положила на стол. Над столешницей немедленно повисла объемная карта. «Звездное небо», – узнал Изоэ картинку из учебника.

– Вы видите его так, – предположила девушка. – То есть наш мир, вот он, едва заметен с самого северного лепестка-материка в период условной зимы.

– Созвездие Эдзэ, звезда, схожая с нашим солнцем, когда оно было живо. Седьмая тычинка в соцветии, – улыбнулся Вазео. – Довольно далеко. Но глупо не верить в то, на что мы надеялись. Наша звезда умирает, – пояснил он с болью в голосе. – Мы понимали с самого начала, что вряд ли стоит ждать посещения. Но иных возможностей возродить наши цветы все равно не было.

– Вы с легкостью восприняли мои слова, – удивилась Рыся. – И небо знаете прекрасно. Но у вас нет больших кораблей там, наверху.

– Это давняя история и большая боль, – вздохнул Итаэ. – Мы расскажем.

– Не теперь и не мне, – запротестовала Рыся. – Папа строго приказал: не лезть с расспросами. Сначала насущные дела. Меня отправили сюда только потому, что я знаю ваш язык. Когда я лечила Изоэ, наворотила глупостей, совместив наши сознания. Это неэтично, но полезно для понимания характера болезни.

– А что в вашем представлении насущное? – насторожен-

но уточнил Вазео.

– То, что города замерзают, – решительно ответила Рыся. – Я знаю о беде давно, уже пять наших дней. С того момента, как окончательно пришла в себя и стала читать память Изоэ. Они не должны погибнуть! Недра вашего мира, Дзоэ'та, еще весьма горячи. Уж это я способна оценить. Все же я не посторонняя глубинному огню, хотя ближе и роднее не этому пламени, а солнцу.

Изоэ попросил гостью помолчать и сбивчиво изложил сведения из обрывков ее памяти, постепенно складывающиеся в его сознании в довольно полную и внятную картину. Он говорил о науке и магии чужого мира под названием Саймил, странным образом уживающихся и не противоречащих друг другу. О людях, эльфах и гномах, населяющих мир. Об эфритах – совершенно особых существах, действительно способных ощущать огненную природу мира.

Магия привела старейшин в полный восторг. Черепаха Ами – живой корабль, несущий в себе целый мир, показалась им совершенно необычной и достойной восхищения идеей. А вот возможность продлить жизнь городов, восстановив отопление на фоне всех новых и малопонятных чудес, – это действительно насущная и важная необходимость.

– Мы сами в отчаянии, – кивнул Вазео, дослушав до конца. – Города должны были жить еще очень долго! Но последние пятьдесят циклов стали для нас настоящей чередой потерь. Мы бессильны понять происходящее, недра – не наша

стихия. Пытаемся выживать здесь, но имеющиеся знания – неполные, а опыт ничтожен.

– Я попрошу спуститься к нам папу и его друга. Они разбираются в горном деле, – предложила Рыся. – Пусть посмотрят. А потом, может быть, старейшины городов и инженеры навеснят нашу Ами, чтобы пообщаться с капитаном и королевой. Подумайте сами, кто еще может быть полезен для первой встречи. Я настаиваю на одном: Изоэ мой гость. Пока не долечит крылья, не отпущу его из своего дома. Зато охотно заберу к нам вместе с сестрой и папой.

Глава Жан'э благосклонно кивнул, признавая право юноши гостить у чужих. Связался с дежурным по городу и распорядился отослать наверх проводника для родичей Алесии. И стал неторопливо собирать предметы, важные для предстоящей беседы с королевой. Мобильное устройство просмотра данных, карты планеты, схемы городов. Тем временем Рыся, которая уже успела представиться и уговорить всех звать ее этим коротким именем, рассказывала про Саймиль, полет и Ами. Про леса, так мало похожие на цветочные заросли древнего и очень теплого мира Дзоэ'та.

Треть доли (почти час по времяисчислению Ами) ее слушали, давая глазам удивительную возможность насладиться картинами живого зеленого мира, объемными и яркими, всплывающими из тумана над столом. Потом в коридоре слышались низкие раскаты незнакомой речи. Слова чужие, энергичные и явно весьма грубые. Рыся фыркнула, прислу-

шиваясь. Затем торопливо схватила шар и, погасив картины, убрала в кулон на шее.

– Им совсем тесно, – пояснила девушка. – Особенно моему брату Ррыну. Двоюродному, его мама – сестра моего папы. Ррын очень, очень большой. Широкий и высокий. Я бы с удовольствием посмотрела в щелочку двери, как он ползет по коридору. Но, боюсь, он в таком состоянии, что лучше не расстраивать его еще сильнее.

Вазео понятливо кивнул и стал освобождать от мебели место у двери. Голоса приближались медленно, но их громкость уже впечатляла. Старейшины слушали с растущим беспокойством. Изоэ заподозрил, что многие опасаются, как бы чужак не застрял в коридоре и не применил свою опасную загадочную магию.

Когда дверь распахнулась и косматое рыжее чудовище поползло в отсек, рыча и встряхиваясь, юноша и сам слегка испугался. Сине-серые глаза чужака метали молнии и опасно блестели гневом. Но гость оказался терпелив. Он изгибался и протискивался, постепенно преодолевая удручающе тесный проем. Наконец с облегчением вздохнул, уселся на пол и энергично прочесал пальцами длинные густые волосы, покрытые пылью. Изоэ стало интересно: где в городе можно так испачкаться? Впрочем, вопрос запоздалый, теперь там можно не убираться.

Следом за рыжим чудовищем в комнату куда более ловко проскользнул второй гость, тоже крупный, но не такой плот-

ный. Его Изоэ уже видел на корабле. Волосы удивительно напоминали обычный для и'наэ пух, были короткие и светлые, как у старейшины. А глаза оказались синими, как древнее небо Дзоэ'та. И оттого в их теплую внимательную глубину хотелось глядеть неотрывно.

– Я Рахта, отец Алесии. Мы приняли вторую группу ваших людей, – сказал синеглазый, и Рыся быстро повторила его слова на языке и'наэ. – Это было гораздо проще, чем добраться сюда. Но мы шли не зря. Полагаю, мы уже поняли причину проблем с отоплением городов.

– Нечего было лезть в недра, не разобравшись, – раздраженно буркнул Ррын, покосившись на свою сестру. Изоэ понял намек и стал переводить, взяв на себя разъяснение слов этого гостя. – Эх, придется гномов будить! Кто ж ставит отопители в последовательную цепь? Да еще додумались отключать их каждую ночь! В Гхроссе, стране подгорных гномов, тысячи лет грелись от глубинного горна. До сих пор система исправна! В бытовом смысле горн – это разные виды тепла, удобно приспособленные к работе, если по-простому, без подробностей. У нас имеется целая отопительная наука! Досталось вам, бедолагам, без магии знахарской, без оборудования и навыка. Ну хотя бы запараллелили контуры, предусмотрев возможность ремонтов! Опять же шлак и отложения... Два канала из четырех главных в верхней части забиты полностью. Полагаю, сейчас у вас в нижних городах нестерпимая жара, а верхние вымерзают, хотя исходно кли-

мат создавался равномерно теплым.

Рыжий раздраженно рывкнул что-то непонятное, махнул рукой, тотчас ушиб локоть и скривился от боли. Повисшая в воздухе по его воле картинка подернулась рябью и смазалась. Рыся прошептала пару слов, подправляя изображение. Ррын благодарно кивнул. Повторил жест, на этот раз куда более экономно и бережно, лишь шевельнув ладонями. Старейшины взгляделись, с удивлением опознавая достаточно точную модель отопления городов. Четыре автономных сдвоенных контура, оплетающих ярусы. Центральные каналы и боковые ветвления. Рыжий показывал своим толстым коротким пальцем на узлы-насосы. Сердито пояснял, как, по его мнению, погибали верхние города. И шурился, присматриваясь: понят ли?

– Приходится признать вашу правоту, столь плачевную для нас, – кивнул Вазео. – Переделать систему едва ли возможно.

– Да, проще заново, – честно кивнул Ррын. – Гномы живо базовый уровень отстроят для всех вас, особенно если мы с Рахтой найдем и укажем хорошую крупную подземную полость для работы. Вам еще так понравится, потом наверх вылезать не захотите, – улыбнулся Ррын. – Цветочки свои тут посадите, которые на всех картинках по стенам. А то, вы уж простите, помял я их маленько. Картинки то есть. Ну, пока то да се, разберемся, как дальше быть.

– Мы ведь не знаем, можно ли восстановить солнце, – по-

яснил Рахта. – Даже я не могу сказать, хотя чувствую светило как часть себя. Увы, оно фактически умерло. Энергия есть, что вдвойне странно. Она словно запасена в неких накопителях. Если сравнивать солнце с человеком, получается, что из вашего выкачали кровь, магию и жизненную силу. И оставили все указанное на хранение в емкостях.

– О природе нашей беды мы знаем немало, – кивнул Вазэо. – И теперь я отчетливо понимаю, что следует брать с собой для визита к королеве и о чем пойдет разговор. Я предложил бы вам воспользоваться нашим гостеприимством, чтобы лучше подготовиться к встрече, но, полагаю, оно окажется мучительно тесным...

Ррын согласно и решительно кивнул. С надеждой глянул вверх, на близкий потолок отсека. Провести здесь сутки? Не вставая и не перемещаясь по коридорам? Эльф порылся в карманах, задевая локтями мебель и смущенно пожимая плечами. Достал ленточку, показал старейшине и объяснил, что это древнее, но безотказное средство перемещения. Достаточно настроить на точку выхода и развязать узел. Окажешься там, куда стремился. Максимальное число переносимых объектов – полдюжины, то есть шесть. В прежнем мире, родственном магии гномов, можно было бы переместить сразу дюжину. Подгорники любят считать на свой манер, а перенос – их магия, знахарская. Вазэо ненадолго задумался и довольно кивнул:

– Прекрасно. Отправляйтесь немедленно, все гости и се-

мья Аяа. Я приложу старания, чтобы и'наэ, чье присутствие необходимо для разговора с главами ваших городов или равными им важными лицами, собрались на верхней площадке завтра в полдень. Это удобно?

– Весьма! – обрадовался Ррын. – Мы успеем разбудить гномов. Они вам понравятся. Крыльев у них нет, зато домовитости на всех хватит. И цветы они любят. Вы не представляете, какие растения сейчас украшают подземные города древней страны Гхросс. По сути, гномы там больше не живут – превратили все тридцать пять уровней открытого доступа в ботанический сад. Лучший на всей Саймили! Есть ярусы тропических лесов, зоны степи, высокогорья. С исключительной точностью поддерживается температура, влажность, освещенность. Само собой, налажена смена дня и ночи, сезонность.

– Под землей? – поразился Вазэо. – Не поверю, пока не увижу.

– Пожалуй, могу показать, – отозвался Рахта. – Я планировал и создавал освещение для этого сада. И записи ношу с собой. Отличная была работа, интересная и необычная.

Эфрит снял с руки браслет и положил на стол центральным камнем вверх. Точно так же на той же столешнице недавно устраивала свой шарик его дочь. Некоторое время Рахта шевелил пальцами, перебирая смутные образы. Менялись они столь стремительно, что никто ничего не успевал уловить. Изоэ сразу догадался: это аналог накопителей ин-

формации, обычных для народа и'наэ. Только более сложный и компактный.

Наконец Рахта довольно кивнул, и очередное смутное изображение распахнулось четкой объемной картиной. Эфрит улыбнулся:

– Пожалуй, я останусь здесь. И Алесию оставлю. Мы будем рассказывать старейшинам о саде гномов. Так вы проще примете нашу несхожесть.

В дверь бочком, зажмурив все веки от своей безмерной наглости, протиснулась Дали, до сих пор ожидавшая родных в коридоре. Точнее, успевшая сбегать домой и вернуться. Теперь девочка бережно обнимала и прижимала к груди шкатулку с сокровищем семьи.

– Что хотите со мной делайте, но я имею право подарить одно семечко! – выпалила она. Осторожно открыла глаза и добавила чуть спокойнее: – Они ведь спасли Изоэ! И всех наших из города.

Рыся покровительственно обняла маленькую и'наэ за плечи, двигая ее ближе к себе. С любопытством рассмотрела шкатулку и вздохнула – ей еще переводить тут, внизу.

– Я способен быть вашим переводчиком, – поклонился Изоэ отцу своей няни. – Я знаю язык мира Ами.

– И уже поддался капризам негодницы Алесии, – улыбнулся эфрит. – Хорошо. Я не возражаю. Пусть девочки уходят с Ррыном.

– Тогда и я пойду, раз есть такая возможность, – предло-

жил наставник Итао. – Мой город мертв, а мои люди навер-
ху. Я должен быть с ними.

– Упрямый мальчишка, – отметил Вазэо. – Хорошо. Се-
годня день, когда исполняются капризы. Иди. Я бы и сам бе-
гом побежал. Синее небо... Увы, пока нельзя. В нашем вер-
тикальном соцветии двенадцать крупных живых городов, да
еще и малые боковые поселения... Следует дождаться всех
старейшин, представить вас друг другу. Повторить много-
кратно про мир Ами, новые возможности и готовность по-
мочь. А потом я увижу ваше небо. Наконец-то!

Старый и'наэ мечтательно прикрыл нижние веки. Вздох-
нул и обернулся к Рахте, готовясь слушать о саде гномов на
далекой и незнакомой планете с именем Саймиль.

Глава 2

Цветок аяа

Рыся осторожно погладила пух на голове маленькой Дали. Золотой и мягкий, удивительный. По мнению эфрити, соединившей сейчас в своем сознании двойную способность видеть красивое (то, что принято считать таковым среди эльфов и в народе и'наэ), сестра спасенного летуна была безупречно и окончательно хороша собой. Прежде всего, потому, что некрасивых детей – если они здоровые, добрые и умные, – не бывает. А еще потому, что огромные глаза Дали, занимающие половину лица, как у любого жителя мира Дзоэ'та, имели переливчато-радужный цвет, эдакую поверхностную пленку, обычную для и'наэ. Это уже удивительно и интересно. Но по-настоящему восхищал фон – лиловая глубина глаз, наполненных живым и веселым огнем. Ни у кого из встреченных взрослых нет подобной красоты! Их взгляд устало-обыкновенный. Серый, почти черный, густо-карий тон проглядывает под радужным поверхностным слоем. А во взоре Дали играет и искрится прелесть позднего заката.

К тому же девочка сложена необычно для и'наэ. Ее руки и ноги чуть длиннее, чем у прочих. Талия восхитительно, просто недостоверно тонка. Красиво. Будь ты хоть эльф, хоть мотылек.

– У вас очаровательная дочь, – сообщила Рыся итог своих наблюдений отцу Изоэ.

Начала она говорить внизу, в тесной комнате подземного города, а завершила фразу, уже стоя на продуваемой ледяным ветром площадке у самого выхода в большой мир. Мужчина гордо кивнул, дрогнул волосками в бровях – принял комплимент. Он владел собой куда лучше, чем его сын. Справился и с удивительным способом транспортировки, и с видом открытого пространства, не выказывая признаков шока или хотя бы яркого изумления. Зато искреннюю гордость за свою Дали прятать не пытался. Весь так и расцвел. Брови шевельнулись, веки пару раз качнулись – внешние, с крупными ресницами. Рыся усвоила из памяти Изоэ: именно они в большинстве случаев используются и'наэ для выражения эмоций. Такое вот легкое полуморгание – признательность и согласие.

– Я ведь так и не представился, – спохватился отец Дали – Зоэл'айа. Про город и прочее уже нет смысла добавлять... А дочь у меня действительно красавица, хоть и мала еще. Ее мама тоже была удивительная. Я уговаривал старейшину разрешить мне уйти наверх вместо жены, не хотел гибели моей Ализы. Но я инженер по первой профессии и врач – по второй. Я нужен и потому должен жить. Так мне сказали.

Мужчина смолк и некоторое время смотрел в снежную круговерть. Наблюдал, как раскрывается навстречу гостям похожий на стебель гибкий коридор. Первой в его недра

нырнула Дали, отчаянно кутая в свою куртку драгоценную шкатулку с семенами. Девочка очень боялась погубить их здесь, на пронзительном зимнем ветру. Потом прошла Рыся, странная, непривычная – и очень милая. «С ней отчего-то легко», – отметил про себя Зоэл'айа.

– Я не знаю, что мы вообще можем и что еще придумаем вместе, – серьезно сказала Рыся. – Но я вам обещаю: больше никто не пойдет умирать в зиму.

– В нашем соцветии городов – да, – согласился Зоэл. – Мы с легкостью вам верим. Но в прочих... Когда мир стал умирать, мы разделили его лето и постарались сберечь. Одни хранят цветы. Другие спасают личинки жуков и прочей живности. Третьи берегут мельчайшие организмы. Собрать мир воедино едва ли получится. Но сейчас я говорю о другом. На одном только этом лепестке суши было построено девять крупных соцветий подземных городов. Так же и на прочих. На островах – еще три, для известных нам обитателей океана. Полагаю, у них у всех с отоплением не лучше. А с прочим... Личинки беречь сложнее, чем семена. Боюсь, города гибнут повсеместно.

– Найдем каждое соцветие, – упрямо тряхнула головой Рыся. – Вы не знакомы с гномами, вот и переживаете. Они все наладят и восстановят. Не могу представить себе подземные жилища, которые гномы не смогут починить. Хотя бы временно, до постройки новых. Никто не замерзнет. Я же сказала!

Эфрити сердито прищурилась, рассматривая сизое тусклое солнце. Зрение бессовестно лжет, приукрашивая реальность. Мерцающие угли в камине – давно не костер. Так и это бурое свечение – даже не признак остаточной активности, а именно агония. Жизнь ушла, хотя тепло еще сочится по капле. Темные пятна уродуют блеклый диск. Они – как следы старых ран, гноящихся, губительных. Воздействие было не особенно велико, но разрушило баланс энергии. Так крошечная ядовитая муха впрыскивает ничтожную толику своей слюны жертве и убивает ее, превосходящую размерами в тысячи раз. Сильную, здоровую, молодую...

Прибывший забрать пассажиров старший сын черепахи Ами, которому гномы дали имя Аррас – «сын солнца», уже скользил в самых верхних слоях атмосферы, поднимаясь стремительно и легко.

Алесия смотрела на растущий впереди горб панциря и думала о том, как много всего изменилось за считанные дни. Годы и даже полные десятилетия царил сонный покой полета, не прерываемого событиями. Да и прежде, сорок лет назад, дома, на Саймили, жизнь выглядела понятной и просчитанной надолго вперед. Даже скучной. Она – дитя эфритов. Единственная из трех рожденных в мире унаследовавшая сполна силу и дар солнечного духа. Двоюродные братья, сыновья папиной сестры, пошли в своего отца. Оба, и Ррын, и Раг, – эльфы. Да, с несколько избыточными магиче-

скими возможностями, но далеко не эфриты. Они тянутся не к изначальному солнечному свету, а к его более позднему порождению – жару недр Саймили. Кузнецы, знахари и строители.

Пока не родилась она, Алесия, считалось, что новые эфриты вовсе не могут и не должны приходить в мир. Хватит уже одного чуда – матери Алесии, принцессы Лэйли, которую королева Сэльви-а-Тэи умудрилась вырастить полноценным духом огня. Когда родилась внучка, только Сэльви не удивилась, с первого взгляда распознав ее природу. Лишь чуть нахмурилась в задумчивости – так говорила Рысе ее мама.

– Она изведет нас всех своим характером, – довольно отметила Сэльви, обожавшая сложных и талантливых малышей. – Но это не главное. Хотела бы я понять, что ждет наше Рыжее Солнышко в будущем, когда она повзрослеет? Эфриты не приходят в мир просто так.

Расти оказалось весело и интересно. Алесия с легкостью вышла из первого круга магии. Точнее, выползла. Весь набор несложных заклинаний она научилась применять, едва осознав себя. Второй круг девочка покинула в девять лет. Третий – в двадцать. То есть всегда обучалась в разы быстрее, чем самый талантливый эльф. Предела своих возможностей Алесия не знала. И опасалась его искать, прекратив совершенствование в магии. Ведь ее шалости, и те порой грозят окружающим большими бедами. А разве можно без причины нарушать баланс сил мира? Нет. Эфриты – часть при-

роды. И уже поэтому изначально относятся к окружающему бережно и с любопытством. То есть, увидев мотылька, станут рассматривать, восхищаться новому и радоваться – но уж никак не ломать тонкие крылья и уродовать летуна... В отличие от ледяного ветра Дзоэ'та.

Впервые Алесия осознала, что силы ее не беспредельны, когда похоронила самого дорогого человека. Свою тезку и няню, Алесию. Да, тетя Леся, как звала ее эфрити, жила долго и вполне счастливо. Она попала в число первых людей, испытывавших на себе и дорабатывавших методику продления жизни. Сто пятьдесят семь лет... Очень много для человека, особенно в те времена. И ничтожно мало для эфрита.

Это бессилие вернуть ускользнувшее, возродить прошлое, обратить время вспять Рыся помнила до сих пор. Порой оно возвращалось новой болью. Неодолимой – так казалось много раз. Но потом приходила Сэльви, королева и просто бабушка. Гладила по голове и объясняла: все в мире меняется. Она, дух солнца, принадлежит великому кругу перемен и не имеет права роптать. Весна – рождение, а поздняя осень – смерть. Но за ней уже отчетливо проступает новая оттепель следующего года.

Люди уходят, но мир продолжает жить. Иногда Сэль ругала, порой утешала, а чаще просто молча сидела рядом. И каждый раз боль покидала.

А теперь Сэльви далеко. Кому сказать о нынешней своей беде? Рыся смотрела на истерзанное, покрытое темными

пятнами остывания солнце мира Дзоэ'та. Изучала его глазами эфрити, страдающей от близкой и мучительной боли родного существа, огромного и, увы, гибнущего. Взирала распахнутыми темно-синими очами Изоэ, взлетевшего, сломанного и застуженного лютой зимой. Теряющего гораздо большее, чем свою коротенькую жизнь. Любая раса развивается, соединенная незримыми нитями со своим домом, родным миром. Лишившись его, она утратит часть себя, даже обретя новое жилище.

Рыся смотрела на остывающую коричневую звезду, моргала, упрямо отгоняя слезы. И думала: если однажды умрет родное солнце Саймили, вместе с ним уйдет и королева Сэльви. Может быть и даже наверняка, она возродится в ином мире. Станет частью его природы, соткав для своего народа нити родства с ней. А кто поможет маленьким и'наэ? Которые с отчаянным упрямством уродуют себя, от рождения лишаясь данного природой права летать. Потому что больше жажды полета в них лишь одно стремление: вернуть к жизни свой уникальный и неповторимый мир цветущих лесов. Вернуть, а никак не заменить на новый, удобный и теплый – но чужой. И она, эфрити, хотела бы восстановить невозвратное. Дать новую жизнь солнцу, столь важному для Дзоэ'та.

Дали жалостливо погладила руку странной женщины, спасшей брата. Девочка не понимала причину ее грусти, зато

вполне отчетливо улавливала само настроение.

– Тебе плохо?

– Пройдет, ничего страшного, – пообещала Рыся, тяжело вздохнув. – Мне уже лучше. Вот доберемся домой, и я отведу тебя к королеве. Познакомлю вас.

– Нет, – решительно уперлась Дали. – Сперва мы выберем живое семечко и посадим его. Это ведь мой подарок. Айа – самый красивый цветок на свете. Я уверена, тебе понравится. Жаль только, он растет медленно. До первого цветения проходит семьдесят циклов.

Последние слова Дали произнесла шепотом. Было яснее ясного: ей очень хотелось увидеть цветок сейчас. Сразу! Разве это настоящий подарок, если его полной красоты надо ждать невыносимо долго? Рыся рассмеялась и хитро подмигнула девочке:

– Моя мама умеет уговаривать любое растение менять привычки. Так что приживется наш с тобой росток. Вымахает за одну ночь. И расцветет к следующему закату. Или когда он там цветет? Вроде твой брат сказал – распускается именно по вечерам.

– Точно, – восторженно согласилась Дали. – На закате. Его имя значит «белый цветок, собирающий на лепестки всю красоту сумерек». Жаль, у меня нет крыльев. Нектар айа самый вкусный в первую ночь цветения. Так сказано в книге памяти нашего рода.

– Мальт умеет летать и поможет собрать нектар, – утешил

ла Рыся. – Идем, мы уже добрались до Ами. Аррас совершил посадку на ее панцирь. Спустимся вниз, в мир. И ты увидишь наше солнышко. Потом мы познакомимся с моей мамой Лэйли, посадим семечко. А затем все-таки ходим к королеве.

План показался Дали замечательным. Девочка протянула правую руку Рысе. Отдала шкатулку отцу, взялась за его пояс левой рукой. И пошла вперед, не ведая страха перед неизвестным. Детям он незнаком. Зоэл'айа тоже не боялся. Чего можно опасаться, если ты уже несколько долей дня мертв, как и весь твой город? Замерз на уступе скалы. Так должно было случиться! Но худшее прошло стороной. Значит, впереди обязательно ждет хорошее. Новый дом для жителей города Зинн'э, новые друзья и даже наверняка помощь, о которой не смели мечтать и'наэ.

Теплое голубое небо Ами превзошло все ожидания мужчины. Золотое, близкое и горячее солнце тоже выглядело бесподобно. А внизу синими венами ветвились реки и ручьи, питали разнотонную зелень лугов и лесов, поили влагой воздух. Чувствительные волоски впервые в жизни ловили запах цветов, прекрасных и очень полезных.

А еще был полет. Да, в корпусе иного существа – мальта. Но для лишенного от рождения крыльев и такой полет – счастье.

Магический зверь приземлился возле красивого просторного дома, бело-золотого, двухэтажного. На пороге прибыв-

ших ожидали две женщины.

Рыся радостно рассмеялась и побежала к ним – к маме Лэйли и подруге Тиэсе. Рассказала про цветок айа, представила Дали и ее отца. Все вместе они выбрали хорошее место для нового растения. Айа любит пить воду прохладных горных источников. Еще он предпочитает расти отдельно от иных высоких цветов, на открытом солнышке.

Королева выслушала, приняла шкатулку. Пошептала, создавая перед открытием крышки безопасную среду для содержимого старого хранилища сокровища рода.

Семена Дали никогда не видела. И очень огорчилась: их всего-то девять! И два явно погибли. Стали темными, мелкими, морщинистыми. Однако Лэйли, мама Рыси, уверенно выбрала именно больное семечко с треснувшей раскрошившейся оболочкой. Закрыла шкатулку, вернула Зоэлу, а сама погладила тусклую сухую кожицу плода, подмигнула ему своим странным ярко-зеленым глазом. И сдула с ладони.

– У меня любые растут, – беззаботно сообщила эфрити. – Утром будет взрослое дерево. Само собой, если вы, хитрющие дети, не станете подглядывать! Уже закат. Я всем приготовила комнаты. Ужинаем – и марш спать!

Даже Рыся не осмелилась спорить. Дали и ее отец охотно попробовали незнакомую пищу. Как утверждали их новые друзья, вполне годную и полезную для и'наэ. И отправились в свои комнаты – просторные, расположенные на втором этаже, выходящие на огромный балкон. Оттуда открывался ве-

личественный вид на долину, речушку, озеро, лес. Домик, пристроившийся у самого края внутренней полости Ами, на возвышении, позволял изучать весь этот мир. Невообразимо далеко, в теплой дымке вечера, угадывалось скорее воображением, нежели зрением, Срединное море.

И'наэ смотрели долго, пока закат не угас. А потом стояли еще и слушали ночной мир. Вдыхали запахи его цветов. Наконец усталость трудного дня взяла свое, и они разошлись по комнатам отдыхать.

Лэйли в это время сидела на берегу озера в полукилометре от своего дома. Жалобно всхлипывала, а королева смотрела на нее почти с отчаянием. Потому что до сих пор никто не знал, как справиться с бедой. Скорее всего, помогла бы Сэльви, но она так же недосыгаемо далеко, как родной мир Саймили и его живое солнышко.

– Может, мы ошибаемся? – еще разок спросила Лэйли. – Ну вдруг, а?

Тиэса виновато покачала головой. Ужасно видеть беззаботную и задиристую Кошку Ли – никто не звал Лэйли иначе – такой серьезной, взрослой и огорченной. Впрочем, ей самой не проще сохранять спокойствие и рассудительность. Алесия – ее лучшая подруга. Вместе росли, вместе шалили. Для кого-то иного Тиэса, может быть, и королева. А неугомонной младшей эфрити, Рыжему Солнышку, Рысе – друг. Даже больше – сестра.

– Она сама не понимает, что натворила, – вздохнула Тиэса. – Но я все-таки настоящая королева, приходится признать бабушкину правоту. Я почувствовала изменение сразу. Вы с Рахтой – взрослые эфриты, дети нашего родного солнца. Вы подобны его лучам. То есть даже гибель светила, этого или иного, вас не убьет. Переживете, как смерть близкого друга, даже родственника. Будет больно, тяжело, но справитесь. А Рыся... Понятия не имею, какие заклинания она понабросала, спасая этого очаровательного мотылька Изоэ. Да хорошо бы заклинания! Куда опаснее упрямство. Рыся отдала все, что могла.

– Он оставался, по сути, мертвым, когда попал к нам, в Ами, – отозвалась Лэйли.

– И был еще более мертв, когда его нашла Рыся. Холодный, вмерзший в лед, – мрачно согласилась Тиэса. – Твоя дочь поделилась своей душой и своим теплом. Вернула его. И впитала в себя привязанность к их остывающему миру. Мучительную, неотступную, как мечта Изоэ о полете. Народ и'наэ не покинет погибающую Дзоэ'та. Если мы не возродим солнце, они передадут нам свои сокровища-цветы и останутся здесь, на планете, уверенные, что это правильно. Рыся тоже останется. Пока она еще, полагаю, не ощущает полного родства с новым миром, но уже привязана накрепко. Не как свободный луч, однажды рожденный светилом и улетевший вовне, а как иное, более крупное, дорогое и любимое дитя солнца – мир Дзоэ'та.

– Если погибнет планета, то моя Алька тоже... – Лэйли снова всхлипнула.

– Пока никто не погиб, – мягко возразила Тиэса. – До Саймили лететь всего-то сорок лет. Если мы с тобой окончательно глупые, позовем бабушку Сэльви. У нас очень много времени.

– Ты сама в это веришь? А кто пришел в рубку и сказал: «Меняем курс»? Мол, если мы не полетим к той звезде, пожалеем. И если полетим – тоже... Сейчас я понимаю твои слова гораздо лучше. И не вижу повода смеяться над ними. Хотя прежде казалось смешно.

– Я всегда стараюсь находить выход из сложных ситуаций. И я не имею права на отчаяние, – улыбнулась Тиэса. – Лэйли, моя любимая тетушка! В мире Ами две тысячи эльфов. Сейчас мой папа Лоэль будит еще и гномов. Их десять тысяч, мы нейтрализуем заклятия сна пока только в ближних пещерах. Неужели ты думаешь – не справимся? Ведь есть еще и'наэ. Они любят свой мир. У нас обязательно все получится. Я королева, и я тебе обещаю.

– Тогда не стану расстраиваться. Это ужас как вредно для эфрити!

Лэйли решительно стерла слезы со щек. Подмигнула королеве, вскочила одним движением, встряхнулась – и побежала к дому. На ходу, не оборачиваясь, пообещала, что утром накормит гостей и лично проводит на общий совет. Тиэса улыбнулась и кивнула. После чего подозвала своего

мальта и неторопливо пошла вдоль берега озера к ближнему ручью, глядя край мантии-крыла парящего над самой травой крупного зверя.

– Ами! – тихо позвала королева.

– Слушаю, – отозвался туман, на миг уподобившись морде огромной черепахи.

– Твоя младшая дочь летала к солнышку?

– Вернулась только что, – отозвался голос в сознании королевы. – Ты права. И Рахта прав. У нас у всех от силы полвека. Потом процесс станет необратимым. Оно начнет сворачиваться, гаснуть. Сбросит расширяющуюся верхнюю оболочку. И убьет все свои планеты. Ужасно. Нам придется улететь и того раньше. Здесь станет опасно даже для меня.

– Значит, надо самим справляться, без надежды на помощь извне, – вздохнула Тиэса. – Жаль, магия в мертвом мире гаснет... И я слишком молодая королева. Неопытная.

– Королевой тебя делает не опыт, а сердце, – улыбнулась туманная черепаха. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи и тебе, Ами. Спасибо.

– Пожалуйста, – отозвалась черепаха. – Мне нравится твое настроение, королева. В нем нет страха, лишаящего надежды.

Тиэса улыбнулась, спускаясь ближе к воде небольшого ручья. Скользнула в туман, на миг благодарно коснувшись рукой шеи призрачной черепахи и погладив ее. Картинка задрожала, распалась на отдельные бесформенные клочки бе-

лесого влажного воздуха... Впрочем, вряд ли и прежде кто-то кроме королевы различил бы здесь присутствие самой Ами и расслышал бы ее голос.

Тиэса-а-Тэи, внучка королевы Сэльви, унаследовавшая способности Сердца эльфов, слышала и видела. И улыбалась. Мудрая Ами успокоила ее и сама обрела уверенность. Иначе нельзя. Великая черепаха права: страх ужаснее самой беды. Он лишает рассудок сил, столь необходимых для борьбы, притупляет интуицию. Между тем королева обязана оставаться чуткой.

Тиэса взобралась на спину мальта и полетела к морю. Там, на огромном Срединном острове, с самого начала, еще до старта, поселилась ее семья. И мама Нора наверняка давно ждет дочь, которая кому угодно другому – королева, а ей – любимое дитя. Припозднившееся с возвращением домой. Пропустившее ужин!

Королева летела и думала про Рысю. Единственную во всем мире Ами, не желающую осознать беду. Рыжая эфрити по-своему счастлива. И наверняка во сне летает, как самая настоящая крылатая и'наэ.

Алесия действительно летала. Боролась со встречным ледяным ветром. Заклинала его и умирjala, упрямо щурясь и шипя от боли. Мелкие льдинки рассекали кожу лица до крови. Крылья покрывались изморозью и тяжелели. Вопреки всему она поднималась выше. Чтобы одолеть облачный

слой и увидеть солнце, обязательно рыжее, живое и горячее, а не умирающее багово-коричневое.

Утром эфрити довольно потянулась и подмигнула крупному близкому шару светила Ами. Рыжему и теплomu, точно такому, о каком она мечтала во сне. Его путь уникален, как и сама черепаха. Вечером шар прячется в особый канал у края панциря. По нему скользит всю ночь сквозь недра Ами, нагревая их. А утром возникает снова на «востоке». Красный, остывший. До полудня он накаляется. И снова начинает клониться к закату. Чего больше в движении солнца, магии или технологии, и как они сплетены? Это знают папа Рахта и капитан Лоэль. Взрослые, мудрые и древние.

В дверь осторожно постучали. «Так тихо и бережно может проситься в гости только Дали», – уверенно предположила Алесия. Вскочила, распахнула шкаф и торопливо нырнула в воротник широкой шелковой рубашки. Пробираясь носом сквозь скользкий легкий материал, глядящий щеки, побрела наугад к двери. Нажала на ручку:

– Входи. Ты ведь по поводу нашего цветка, да?

– Конечно, – отозвалась Дали. – Красивая одежда. Похожа на крылья. В роду Айа крылья чаще всего разворачивались как раз такие, лиловые с белым. Это написано в нашей книге памяти.

– У твоего брата теперь красно-рыжие, как огоньки, – виновато вздохнула Рыся, торопливо перебирая платья в шкафу. – Вот, надевай. Лиловое. Развевается, и рисунок белый.

Дали восторженно охнула, принимая подарок. Спорить и отказываться не было никаких сил. Ведь действительно крылья: и цвет, и ласковая прохлада узора, и легкость. Несколько минут девочка крутилась у зеркала, взмахивая руками и наблюдая, как струится шелк, переливаясь и играя. Потом спохватилась, поблагодарила и поправила ткань, разглаживая едва приметные замины.

– Я хотела спросить, можно мне звать тебя Алеззи? – смущенно поинтересовалась Дали, снова глядя в зеркало. – Понимаешь, у нас не принято, чтобы имена, тем более женские, начинались на «р». Плохое звучание. Угроза и вызов. Опять же, свистящее «с» – как звук старого крыла, изношенного. Мы больше радуемся звонкому «з». Будь ты чужая, я бы промолчала. Но ты наша. Язык знаешь – полдела. Ты на солнышко смотришь как никто другой. И сама ты солнышко.

Дали изложила свои пояснения и виновато пожала плечами – вдруг сказанное не укладывается в рамки вежливости? Алесия покатала на языке новое имя. Сочла его подходящим и даже замечательным. Кивнула, подала руку маленькой и'наэ. Вдвоем они спустились по широкой лестнице на первый этаж. Ступени были слишком высокими и неудобными для ног Дали. Эфрити отругала себя за недогадливость: следовало предупредить маму и попросить поселить гостей внизу. Придержав дверь, Алесия помогла подруге преодолеть еще пару ступенек и спуститься в траву, густо унизанную переливчатыми росинками. Лиловые глаза и'наэ напол-

нились восторгом. Тонкие пальцы потянулись к самым высоким цветущим метелкам. Тронули их так бережно, что ни одна капля не дрогнула, не сорвалась в полет. Дали долго любовалась скатанными в шарики радугами. Потом прикрыла веки и слизнула росу кончиком языка. Рассмеялась:

– Это роса. Я читала, но не думала, что она столь красива. И вкусна.

– Дай попробовать, – заинтересовалась Алесия. – Странно... мне ужасно давно не приходило в голову пить росу. Точно, сладкая.

– Цветная на вкус, потому что в ней радуги, – сказала Дали. – Идем. Наш аяа должен быть там, за домом. Я боюсь его одна рассматривать. Вдруг не вырос?

– У мамы? – рассмеялась Алесия. – Да под ее зеленым взглядом камни расцветают! Идем!

Дали обрадовано кивнула и поймала руку эфрити. Вдвоем они пошли по густой траве, бережно разгребая ее, чтобы как можно меньше мять.

Цветок, само собой, вырос. Алесия охнула от восторга. Она и представить себе не могла, как огромно сокровище маленькой Дали!

Ствол, толщиной и цветом подобный сосновому, поднимался вверх на два десятка метров. Там начиналось утолщение-колени, над ним раскрывался шатром первый ярус из пяти огромных перистых листьев, напоминающих папоротник, нежно-салатовых с золотой кромкой. Над каждым

листочком набухала золотая почка цветка. Далее вверх уходил ствол половинной толщины. Через десять метров на нем формировалось новое колено, опушенное недавно проклюнувшимися листьями. Над ними покачивался под ветром совсем тонкий хлыст-верхушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.